

«ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА» многократно публиковала конкретные предложения об укреплении и расширении деловой, повседневной дружбы братских советских литератур. Со своими мыслями, критическими замечаниями и практическими предложениями выступили писатели и литературоведы многих республик — Украины, Белоруссии, Грузии, Узбекистана, Литвы, Латвии, Эстонии, Киргизии, Таджикистана, Азербайджана, Бурятии, Чувашии, Башкирии.

Мы приводим этот длинный перечень не случайно. Писатели, начиная с октября 1956 года, обращаются через «Литературную газету» к правлениям республиканских союз писателей и к правлению Союза писателей СССР. Проходит месяц за месяцем, а руководители республиканских писательских организаций и секретариат правления Союза писателей СССР на справедливые критические замечания и деловые предложения литераторов не отвечают. Не пора ли все-таки ответить?

О делах переводческих

У КИРГИЗСКИХ животноводов есть хорошая традиция. Со своими «соперниками» — животноводов Казахстана и Таджикистана они встречаются не столько на совещаниях по обмену опытом, сколько на пастбищах. Нам известно, что так же поступают — встречаются в поле — и соревнующиеся между собой таджикские и туркменские хлопководы. Недаром у нас, в Средней Азии, говорят: «Лучше один раз увидеть, чем десять раз услышать».

Думается, что нам, литераторам, не мешает последовать примеру труженников полей. Да, региональные совещания, деловые встречи, обсуждения и творческие споры нужны. С этим все согласны. Здесь мы целиком поддерживаем выступления наших товарищей из Узбекистана, Таджикистана, Туркмении, Казахстана. Однако надо искать и другие формы для налаживания и укрепления деловой дружбы братских литератур.

Наше поле — это наши книги. Очень важно, чтобы писатели знали друг друга прежде всего по книгам. Ничего лучшего и более действенного для осуществления благородной задачи, всех нас глубоко волнующей, не придумаешь. Осуществить ее можно лишь при условии планомерного, систематического, продуманного организационного перевода. О делах переводческих мы и хотим поговорить.

Здесь мы сразу сталкиваемся с некоторыми сложностями. Наша республика невелика. Издательские возможности у нас не такие обширные, как скажем, в Казахстане или Узбекистане. Тем не менее у нас есть основания гордиться успехами в области перевода. Их признавали на региональном совещании по вопросам перевода и наши друзья из других республик. Киргизы читают на родном языке не только книги своих близких соседей — узбеков, таджиков, казахов, туркмен, но и украинцев, казахских и прибалтийских авторов: например, произведения Вургуна, А. Церетели, Исаакяна, Райниса, Упита, Венцловы, Цырки и т. д. У нас есть подлинно художественные переводы-образцы: «Витязь в тигровой шкуре» (в замечательном переводе А. Осмонова), «Война и мир» (перевод С. Бектурсунова), «Василий Теркин» (перевод С. Зраинова), «Абай» (перевод Т. Субанбердиева).

Будем скромны, не станем упрекать друзей в недостаточном внимании к нам (заметьте лишь к слову, что на казахском языке до сих пор нет ни одного сборника таких видных поэтов Киргизии, как Токтогул или А. Осмонов). Будем говорить только о себе. Мы сознаем, что у нас еще далеко не образцовый порядок в переводческом «хозяйстве». Конечно, мы могли бы переводить больше. Мы и будем переводить больше. Но не это основной наш недостаток. У нас очень много плохих переводов: «Мать» Горького (перевод Аманжолова), «Тегеран» Севюга (перевод Аманжолова), «Абсолют из страны белого золота» Кербабаева (перевод Д. Абдулдаева), стихи М. Джаляли (перевод Т. Шамшиева) — в этом смысле тоже «образцы».

Мы понимаем, что в коротком письме не решить всех вопросов перевода. Однако некоторые, общие и большие для большинства, по крайней мере, среднеазиатских республик, нам хотелось бы поставить.

Прежде всего издательства занимаются организацией перевода произведений братских литератур в отрыве от союзных писателей. Составляются ли какие-то планы, есть ли строгие принципы отбора, или — как нам, по правде говоря, кажется — дело пущено на...

Надо знать соседей!

В СПОМНИЛОСЬ далекое — середина тридцатых годов. Обычно зимой к нам приезжал гость из соседнего района. Мать, зашед в окно его лошадь, суетилась над самоваром, отец спешил во двор открыть ворота, и через несколько минут появлялся в комнате человек с редкой бородой, с веселыми раскосыми глазами, снимал записки малаха и говорил: — Вот Имагаул и приехал! После чаепития шли разговоры — непростые, обстоятельные, обо всем на свете. Потом Имагаул ходил по магазинам, покупал подарки для жены и ребятенка. Уезжая, приглашал к себе в Аргаш. Мои родители не раз ездили на башкирский праздник сабантуй. Брали и меня. Видел я Имагаула, лихо скачущего на коне, лохотного на стремительную пшшу...

Дружба с башкирами (а она была не только в нашей семье) накладывала свой отпечаток на наш быт. В детстве, помню, я очень удивился, когда узнал, что «куяна» — не русское слово. У нас говорили: «пойдем-ка по белотрону за куйянами» или «куяна дорогу перебежат» — повораживая назад...

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 102 (3913) Вторник, 26 августа 1958 г. Цена 40 коп.

За деловую дружбу братских литератур!

Были у нас отдельные и, прямо скажем, робкие попытки сблизиться друг с другом. Альманах «Южный Урал» посылал небольшую подборку произведений писателей Башкирии. В Уфе опубликовано несколько переведенных на башкирский язык стихотворений поэтов Южного Урала... Не много, чтобы не сказать строго!

Прошлой весной к нам приезжал Анвер Биçентаев. Вздвонно говоря, ли мы о необходимости больше издавать друг друга, шире печатать в газетах и журналах. Переводчики и с башкирского, и с русского языков у нас на Урале, конечно, найдутся, но дело не только в переводчиках.

Еще одна мешает сблизиться: издаательства наши не очень-то охотно идут на выпуск книг, написанных за пределами своей области.

Я был в книжных магазинах Уфы этой весной, разговаривал с писателями, с читателями. К сожалению, и наши соседи-башкиры не заметили, как выросла семья южноуральских писателей, и знают о нас до обидного мало.

В Челябинском татаро-башкирской библиотеке мы поинтересовались, какие книги писателей-южноуральцев можно почитать на башкирском языке. Нам ответили:

П ОДНЯТЫЙ на страницах «Литературной газеты» вопрос об укреплении и развитии деловых связей всех литератур народов СССР волнует и башкирских писателей.

Мне хочется поделиться некоторыми мыслями о совместной работе литературоведов и литературных критиков. Я убежден, что в дальнейшем укреплении и развитии деловых связей между литературами народов СССР она сыграла бы немаловажную роль. Взять, например, башкирскую и татарскую литературы, близкие по языку и традиции. Есть немало общих историко-литературных проблем, которые можно разрешить лишь совместными усилиями литературоведов наших двух республик.

Идет изучения, скажем, проблема взаимосвязи и взаимодействия башкирской и татарской литератур. А вопрос о возникновении и развитии новых жанров, а вопрос стихосложения? Целесообразно было бы их разработку координировать, провести широкое обсуждение, дискуссию. Как показала дискуссия по вопросам татарского стихосложения, состоявшаяся в январе этого года в Казани с участием представителей Казахстана, Башкирии, Кара-Калпани, такие совместные обсуждения дают хорошие результаты: в дискуссии были определены системы стихосложения татарского, башкирского, казахского и других тюркоязычных народов, была сделана плодотворная попытка выявить национальное своеобразие стихосложения у каждого народа. Такие деловые дискуссии помогают сблизиться и взаимообогащению литератур.

Литературоведы и литературные критики пока очень редко общаются между собой. Почему же редакция республиканских журналов не организовала систематический обмен обзорными статьями, знакомищими читателя одного народа с историей и современным состоянием литературы другого братского народа?

В братских республиках появляются литературоведческие работы, сборники литературно-критических статей. Хотелось бы, чтобы они издавались в переводе на русский язык в центральных издательствах. Это явилось бы пропагандой во всеобщем масштабе той или иной братской литературы и ее литературоведения и способствовало бы поднятию уровня литературоведческой работы в республиках. В этой связи мне хотелось бы рекомендовать всеобщему читателю изданные в Уфе книги «Вопросы развития башкирской литературы» и монография о творчестве ведущих писателей Башкирии.

Еще одно желание — надо, чтобы встречи, совещания, дискуссии действительно были бы творческими.

Гайса ХУСАИНОВ

УФА

УФА

УФА

УФА

УФА

КОГДА УЧЕННЫЕ ВСЕГО МИРА...

ГЕОФИЗИКА — наука о физических свойствах Земли — не знает государственных границ. Дожидается в США и в СССР, чтобы установить закономерности в выпадении осадков и давать обоснованные прогнозы, надо знать всю картину в целом; полярные сияния, исследование которых дает возможность раскрыть физические свойства атмосферы на больших высотах, возникают вне зависимости от территориальных разграничений между Норвегией и Швецией или США и Канадой, но «охватить» полярные сияния, взять их под контроль лучше всего, если наблюдения будут вестись одновременно во всех странах, где это возможно. Скорость, направление морских течений, химический состав океанских вод, столь важные для развития судоходства и промысла, не зависят от характера дипломатических отношений между Англией и Объединенной Арабской Республикой, — но только на основе тесного контакта между учеными многих стран наука может обогатиться данными, которые существенно расширят наши представления о мировом океане...

Идея научного сотрудничества между учеными-геофизиками не является, разумеется, новой. Она осознавалась и приобретала настоятельную необходимость по мере развития наших знаний об окружающем мире. За последние сто лет уже дважды — в конце прошлого и в тридцатых годах нынешнего века — ученые разных стран и континентов приступили к единовременному, совместному исследованию различных геофизических проблем. Но только ныне, с началом Международного геофизического года, эти работы приобрели размах, который может действительно удовлетворить самые насущные потребности науки двадцатого столетия. В небыстром еще содружестве ученых как бы отразилось назревшее стремление охватить и скрупулезно исследовать нашу планету и ее космические окрестности как раз в тот момент, когда человек все ближе подвигается к своему началу в космос.

Сейчас пристальное внимание сосредоточено на таких объектах и явлениях, исследование которых не под силу одной страны, даже если ее территория достаточно обширна, а научные силы велики и мобильны. Вполне, например, реальна возможность рассчитать мощность и тип приемно-передающих устройств, обеспечивающих надежную двухстороннюю связь между любыми двумя точками Земли. Однако иногда наступают такие периоды, когда связь полностью нарушается. Можно ли их предвидеть? Несовершенно. Дело в том, что эти нарушения вызваны изменениями в состоянии ионосферы, которые, в свою очередь, связаны с деятельностью Солнца. Если организовать систематические наблюдения за светилем, то появится возможность предсказывать возмущения в ионосфере, предвидеть нарушения в радиосвязи.

Нетрудно понять, что, поскольку Земля вращается вокруг своей оси, все обсерватории мира не могут наблюдать за Солнцем одновременно. Когда в Восточном полушарии — день, в Западном — ночь, и наоборот. Следовательно, наблюдения необходимо организовать таким образом, чтобы, начавшие одной обсерваторией, они передавались другой как бы по эстафете. Наблюдения начинаются в Японии, а за...

Среди домов и станционных построек, вскрываются и расступаются дымки и облачка белого паровозного пара. Прямо за Клязьмой — пойма. Желтая песком и зеленью травы, сверкающие озера, синева леса и небесная голубизна. Вечером мерцают звезды костров, по муромской дороге то и дело двигаются светлячки автомобилей.

А что же будет сюда, если стать лицом к Клязьме на высоком холме, как стоим сейчас мы? Как что? Сади и будет город. Большой, принарядившийся к своему юбилею, то с деревянными домиками в тихих переулках, то с многоэтажными красивыми зданиями на многолюдных улицах, то с кустом сирени под окном в ладисадине, то с высокой башней телевидения, с шумным базаром, где полно и мяса, и грибов, и молока, и малосольных огурчиков, и картошки, и ягоды-брусники, и душистого сена, и колесной мази; город с троллейбусным движением, с десятками учебных заведений, с кинотеатрами, библиотеками, мемориальными досками, детскими садами, поликлиниками, ну и, конечно, с заводами, самое главное, что с заводами.

«Автоприбор»... Сколько шоферов одновременно, хотя бы вот в эту секунду, смотрит на стрелки спидометров или на те стрелки, что показывают количество бензина в баке, или на какие-нибудь еще там стрелки, обязательные атрибуты владимирцев в жизни страны. Неподладка — химический завод, там же еще один завод, а там, совсем уж за Владимиром (как можно было бы сказать еще несколько лет назад), там... Впрочем, об этом разговор особый.

Шла вторая неделя войны. С каждым днем все тревожнее были сводки с фронтов. Занятия у нас в механическом техникуме окончились (ведь было начало июля), но нам сказали, чтобы мы, студенты, не развлекались на каникулы, что мы будем нужны. Плотный нас отдели далеко за городом на глинистом, выжженном солнцем пустырь и там раздали лопаты. Нам было непонятно, зачем здесь, на пустыре, рыть эти длинные глубокие траншеи. Правда, нам сказали, что здесь закладываются новые завод, тракторный, и что в траншеи просто-напросто будут вложены водопроводные трубы. Но мы как-то не сразу поверили в это.

Потом пришел конец учебы, потом солдатские гимнастерки, потом совсем новая учеба, а потом работа, а потом однажды осенью 1954 года мне пришлось ехать в автомобиле по дороге из Эльбасана в Кору. Известно, что коринкская равнина — одно из плодородных мест в каменной Албании, а поэтому ничего удивительного не было в том, что недалеко от дороги, поднимая полосу пыли, ползал небольшой, но, как...

видно, шустрый колесный трактор с высокой трубой. По виденному ранее картинкам я догадался, что это за трактор, и попросил остановить машину, извинившись перед друзьями: извините, мол, обязательно нужно поздравиться с земляком.

Ошибки не было. По албанскому полю ходил трактор, сделанный руками владимирцев. Позднее, поинтересовавшись, я узнал, что первый трактор вышел из ворот завода 24 апреля 1945 года, за 15 дней до дня Победы.

Еще раз с особой остротой мне вспомнился день 3 июля 1941 года, и речь по радио, и этот голый пустырь, и эти как бы неправдоподобные объяснения, что мы начинаем строить обыкновенный тракторный завод. Страна смертельно сражалась, страна обливалась кровью, но страна смотрела вперед!

Что касается тракторов, то на колхозные поля из Владимира вышло почти тысяча тракторов. Может быть, здесь-то и нужно еще раз вспомнить как Владимир Ильич Ленин мечтал о том, чтобы работать на наших полях сто тысяч тракторов.

Да, есть города-герои, есть города-гиганты, есть города-аристократы, есть города-спруты. Кто же он, этот город, стоящий на Клязьме, посредни России, город, которому исполнилось не мало, ни много 850 лет? Может быть, город-старей? Или город-визит? Но ведь если визит, то, вероятно, одряхлевший? Давайте скажем проще: не аристократ он и не герой, не гигант и (боже сохрани) не эволюций спрут, но статный, молодой, красивый, в расцвете сил город-труженник, город русоволовый, синеглазый, с металлической пылью и строительной известкой на руках.

А эти соборы? Эти шлемовидные купола, эта живопись Андрея Рублева? Эта доска с указанием, что здесь был похоронен владимирец Александр Невский? Эта великая роль Владимира в собирании разрозненных русских земель? Эта седая обаятельная старина? Что же, все хорошо и правильно. Хорошо, когда можно гордиться и сегодняшним днем, и славным прошлым.

Визит же одряхлевший. Подобно сказочной птице, он упал в огонь революции и обновился в нем. Впрочем, так ведь и вся наша Русская земля...

В. СОЛОХУН, специальный корреспондент «Литературной газеты»

Связи литературоведов и критиков

П ОДНЯТЫЙ на страницах «Литературной газеты» вопрос об укреплении и развитии деловых связей всех литератур народов СССР волнует и башкирских писателей.

Мне хочется поделиться некоторыми мыслями о совместной работе литературоведов и литературных критиков. Я убежден, что в дальнейшем укреплении и развитии деловых связей между литературами народов СССР она сыграла бы немаловажную роль. Взять, например, башкирскую и татарскую литературы, близкие по языку и традиции. Есть немало общих историко-литературных проблем, которые можно разрешить лишь совместными усилиями литературоведов наших двух республик.

Идет изучения, скажем, проблема взаимосвязи и взаимодействия башкирской и татарской литератур. А вопрос о возникновении и развитии новых жанров, а вопрос стихосложения? Целесообразно было бы их разработку координировать, провести широкое обсуждение, дискуссию. Как показала дискуссия по вопросам татарского стихосложения, состоявшаяся в январе этого года в Казани с участием представителей Казахстана, Башкирии, Кара-Калпани, такие совместные обсуждения дают хорошие результаты: в дискуссии были определены системы стихосложения татарского, башкирского, казахского и других тюркоязычных народов, была сделана плодотворная попытка выявить национальное своеобразие стихосложения у каждого народа. Такие деловые дискуссии помогают сблизиться и взаимообогащению литератур.

Литературоведы и литературные критики пока очень редко общаются между собой. Почему же редакция республиканских журналов не организовала систематический обмен обзорными статьями, знакомищими читателя одного народа с историей и современным состоянием литературы другого братского народа?

В братских республиках появляются литературоведческие работы, сборники литературно-критических статей. Хотелось бы, чтобы они издавались в переводе на русский язык в центральных издательствах. Это явилось бы пропагандой во всеобщем масштабе той или иной братской литературы и ее литературоведения и способствовало бы поднятию уровня литературоведческой работы в республиках. В этой связи мне хотелось бы рекомендовать всеобщему читателю изданные в Уфе книги «Вопросы развития башкирской литературы» и монография о творчестве ведущих писателей Башкирии.

Еще одно желание — надо, чтобы встречи, совещания, дискуссии действительно были бы творческими.

Гайса ХУСАИНОВ

УФА

УФА

УФА

УФА

УФА

УФА

Владимир — город древний

среди домов и станционных построек, вскрываются и расступаются дымки и облачка белого паровозного пара. Прямо за Клязьмой — пойма. Желтая песком и зеленью травы, сверкающие озера, синева леса и небесная голубизна. Вечером мерцают звезды костров, по муромской дороге то и дело двигаются светлячки автомобилей.

А что же будет сюда, если стать лицом к Клязьме на высоком холме, как стоим сейчас мы? Как что? Сади и будет город. Большой, принарядившийся к своему юбилею, то с деревянными домиками в тихих переулках, то с многоэтажными красивыми зданиями на многолюдных улицах, то с кустом сирени под окном в ладисадине, то с высокой башней телевидения, с шумным базаром, где полно и мяса, и грибов, и молока, и малосольных огурчиков, и картошки, и ягоды-брусники, и душистого сена, и колесной мази; город с троллейбусным движением, с десятками учебных заведений, с кинотеатрами, библиотеками, мемориальными досками, детскими садами, поликлиниками, ну и, конечно, с заводами, самое главное, что с заводами.

«Автоприбор»... Сколько шоферов одновременно, хотя бы вот в эту секунду, смотрит на стрелки спидометров или на те стрелки, что показывают количество бензина в баке, или на какие-нибудь еще там стрелки, обязательные атрибуты владимирцев в жизни страны. Неподладка — химический завод, там же еще один завод, а там, совсем уж за Владимиром (как можно было бы сказать еще несколько лет назад), там... Впрочем, об этом разговор особый.

Шла вторая неделя войны. С каждым днем все тревожнее были сводки с фронтов. Занятия у нас в механическом техникуме окончились (ведь было начало июля), но нам сказали, чтобы мы, студенты, не развлекались на каникулы, что мы будем нужны. Плотный нас отдели далеко за городом на глинистом, выжженном солнцем пустырь и там раздали лопаты. Нам было непонятно, зачем здесь, на пустыре, рыть эти длинные глубокие траншеи. Правда, нам сказали, что здесь закладываются новые завод, тракторный, и что в траншеи просто-напросто будут вложены водопроводные трубы. Но мы как-то не сразу поверили в это.

Потом пришел конец учебы, потом солдатские гимнастерки, потом совсем новая учеба, а потом работа, а потом однажды осенью 1954 года мне пришлось ехать в автомобиле по дороге из Эльбасана в Кору. Известно, что коринкская равнина — одно из плодородных мест в каменной Албании, а поэтому ничего удивительного не было в том, что недалеко от дороги, поднимая полосу пыли, ползал небольшой, но, как...

видно, шустрый колесный трактор с высокой трубой. По виденному ранее картинкам я догадался, что это за трактор, и попросил остановить машину, извинившись перед друзьями: извините, мол, обязательно нужно поздравиться с земляком.

Ошибки не было. По албанскому полю ходил трактор, сделанный руками владимирцев. Позднее, поинтересовавшись, я узнал, что первый трактор вышел из ворот завода 24 апреля 1945 года, за 15 дней до дня Победы.

Еще раз с особой остротой мне вспомнился день 3 июля 1941 года, и речь по радио, и этот голый пустырь, и эти как бы неправдоподобные объяснения, что мы начинаем строить обыкновенный тракторный завод. Страна смертельно сражалась, страна обливалась кровью, но страна смотрела вперед!

Что касается тракторов, то на колхозные поля из Владимира вышло почти тысяча тракторов. Может быть, здесь-то и нужно еще раз вспомнить как Владимир Ильич Ленин мечтал о том, чтобы работать на наших полях сто тысяч тракторов.

Да, есть города-герои, есть города-гиганты, есть города-аристократы, есть города-спруты. Кто же он, этот город, стоящий на Клязьме, посредни России, город, которому исполнилось не мало, ни много 850 лет? Может быть, город-старей? Или город-визит? Но ведь если визит, то, вероятно, одряхлевший? Давайте скажем проще: не аристократ он и не герой, не гигант и (боже сохрани) не эволюций спрут, но статный, молодой, красивый, в расцвете сил город-труженник, город русоволовый, синеглазый, с металлической пылью и строительной известкой на руках.

А эти соборы? Эти шлемовидные купола, эта живопись Андрея Рублева? Эта доска с указанием, что здесь был похоронен владимирец Александр Невский? Эта великая роль Владимира в собирании разрозненных русских земель? Эта седая обаятельная старина? Что же, все хорошо и правильно. Хорошо, когда можно гордиться и сегодняшним днем, и славным прошлым.

Визит же одряхлевший. Подобно сказочной птице, он упал в огонь революции и обновился в нем. Впрочем, так ведь и вся наша Русская земля...

В. СОЛОХУН, специальный корреспондент «Литературной газеты»

г. ВЛАДИМИР

В день 850-летия Владимира в городе состоялось торжественное открытие памятника Владимиру Ильичу Ленину. Авторы памятника скульптор В. Рубинев, архитектор А. Душин.

На шпильке у памятника В. И. Ленину. Фото А. СУХОМИЛОВА

НА КАРТЕ НАШЕЙ Родины возикают новые города.

В старых городах ежедневно рождаются новые кварталы и улицы. Новорожденным дают имена, а выбор имени — дело серьезное. Мне пришлось в этом году побывать во многих городах, новых и старых. Радует глаз единообразие пейзажа: движущиеся стрелы подъемных кранов, белый камень возводимых домов, развороченная земля, постепенно превращающаяся в улицы, дощатые заборы. Такого размаха и нарастающего темпа жилищного строительства наша страна никогда еще не знала.

Как же именуются новые улицы, площади и проспекты? (Рождение переулков теперь явление редкое — их с успехом заменяют проспекты. Естественно и то, что при плановой застройке исчезают тулочки.) Над выбором имен были районные и городские Советы, в этой процедуре принимают участие историки, почвоведы, коммунальщики. Но нельзя сказать, что именование улиц всегда производится успешно. Нет, это трудное дело требует большого внимания общественности.

Бродя по Сталинграду, я испытывал поистине волнение на площади Павших борцов, раздалась новизна улицы Мира, улицы Ленина, Комсомольской... Но некоторые улицы в городе-герое несколько лет тому назад, уже после войны, были окрещены таким образом: находили на карте какую-нибудь реку, по ней называли улицу, а по приходам — переулок. Наименований, связанных с памятью о великой битве, почти нет.

В совершенно новом городе Волжском есть улица Горького: понятно, имя и творчество Горького неразрывно связано с Волгою. Есть улица Чайковского. Отдавая дань уважения великому русскому композитору. Но в городе энергетиков нет ни одной улицы, связанной с судьбой и, если можно так выразиться, с темой этого города. Хорошо ли это? Правильно ли?

В Москве тысячи улиц, переулков, площадей. Названия многих из них сложились исторически. Славное рождение проспектов вызвало всеобщее одобрение москвичей.

ПО СЛЕДАМ ВЫСТУПЛЕНИЯ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ»

«На автомагистралях»

ПОД ТАКИМ заголовком была напечатана 24 июня с. г. корреспонденция в «Литературной газете».

В связи с этим редакция получила письмо заместителя министра автомобильного транспорта и шосейных дорог РСФСР А. Куршева, в котором говорится, что статья правильно отмечает значение междугородных автобусных перевозок.

Для создания необходимых условий в обслуживании пассажиров на междугородных автобусных линиях построены автостанции, автопавильоны, гостиницы и другие сооружения в г. г. Калинин, Краснодаре, Туле, Харькове, Пятигорске, Ставрополе, Белгороде, Серпухове и других пунктах автомобильных дорог.

Однако, ввиду ограниченности средств на капитальное строительство, некоторые автомобильные дороги пока не имеют необходимых удобств для пассажиров. В 1959 году министерство осуществляет строительство автостанций, павильонов и гостиниц на ряде автомагистралей.

Для устранения недостатков, отмеченных в корреспонденции «На автомагистралях», приняты следующие меры. На маршруте Москва — Минск, кроме действующего рейса для перевозки прямых пассажиров, введен дополнительный рейс с заездом в населенные пункты — Вязьма, Сафоново, Яршево, Орша, Толочин, Борисов. Организовано движение автобусов по воскресным дням на маршруте Москва — Истринская Поляна — Москва.

За последние годы в столице появилось двести новых улиц.

Поехал я как-то к друзьям-метро строителям на новостройку. Адрес — Мазутный проезд. К счастью, проезд никак не оправдывает своего названия: это чудесный квартал, расположенный между проспектом Мира и зеленым массивом Сокольники. Был здесь когда-то действительно мазутный проезд — хилый и грязный. Корни этого названия далеко в историю не ушли. Оно ничем не дорого. Мазутный проезд ликвидирован, а название почему-то осталось и утвердилось.

Нет в Москве улицы Радости, улицы Счастливой, улицы Юности, улицы Пятидеток, площади Победы, улицы Народного ополчения, улицы Панфиловцев, Партизанской, Гвардейской, Молодогвардейской.

В чудесном районе, примыкающем к Сельхозмывке, почему-то растут и множатся Утурские улицы. В этой обстановке их названия звучат почти пародийно. Между тем этот новый высокий район достоин того, чтобы здесь возникли улицы, например, имени наших союзных республик.

Я не собираюсь сочинять святыцы для крещения улиц. Названия, выписанные здесь, — это лишь «мысли вслух», предложения о направлении в выборе имен.

Очень правильно поступил Московский Совет, присвоив новым и старым улицам

имена Ефремова, Литвина-Седого, Сапунова, Барболина, Желбунова, Ибрагимова — героев борьбы за Советскую власть. Молодое поколение, вырастающее на этих улицах, уже в самом своем адресе знакомится с революционными традициями.

Но новые улицы именуются подчас весьма непозабвенно. Основная система сейчас — это умножение названий.

В районе Псайлова 16 парковых улиц — 1-я, 2-я, 3-я... и т. д.

Назвали улицу в честь 8-го марта. Вслед за этим четыре новые улицы назвали так же, только с номерами. Вот и подучилась, например, «Четвертая улица восьмого марта». Право, это уже не политика, не география, а арифметика!

Была улица с названием Магистральная. Не очень она своему названию соответствует. Вокруг выросли новые дома. Теперь есть четыре Магистральные улицы, два проезда и... два Магистральные туника. Зачем задавать такие загадки?

В чудесном районе — Черемушках — семь Черемушкинских улиц и три проезда. Это совершенно новые кварталы, здесь можно было дать улицам красивые и гордые имена. Вероятно, названия эти — Черемушкинские — были временными, так скажем, черновыми. А потом они утвердились, вошли в почтовые справочники.

Я пишу своим друзьям в Киев по такому адресу: 891-й Новый переулок. Не пора ли дать переулку имя, а не номер?

КОГДА УЧЕННЫЕ ВСЕГО МИРА...

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

Читатель уже хорошо информирован нашей печатью об основных научных проблемах, обсуждавшихся в ходе Ассамблеи. Следует сказать несколько слов о напряженной и острой дискуссии, возникшей при обсуждении вопроса о судьбе развернувшихся исследований после 31 декабря 1958 года — формального срока окончания МГТ. Это был отнюдь не организационный вопрос. С ним тесно связывались научные и экономические интересы стран-участниц, от его решения зависела дальнейшее развитие так ярко себя проявивших тенденций к укреплению духа сотрудничества и взаимопонимания. Советская делегация заняла весьма четкую в этом вопросе позицию.

Советская делегация исходила, во-первых, из того существенного обстоятельства, что народы мира вложили серьезные материальные средства и большие духовные силы в подготовку и проведение МГТ. Специально создана уникальная аппаратура, построены новые станции, обсерватория, привлечены и обучены широкий контингент специалистов. Поэтому продолжение наблюдений не должно вызывать новых больших трудностей. Но, пролив совместное исследование еще на один год, мы сможем получить дополнительно данные большой научной ценности. Поэтому после 31 декабря 1958 года необходимо, по крайней мере, сохранить на полтора года деятельность Национальных комитетов МГТ, а следовательно, и Специальный комитет, который координировал бы их работу.

Советская делегация учитывала, что в отдельных странах с продолжением МГТ возникнут финансовые и иные трудности. Поэтому Национальные комитеты каждой страны, исходя из своих материальных возможностей и других соображений, а также учитывая опыт проведения МГТ, должны пересмотреть свои программы на 1959 год и сообщить их Специальному комитету. Советская делегация полагала, что мировая научная общественность должна разработать дальнейшие пути сотрудничества геофизиков разных стран, чтобы закрепить достигнутый уровень работ и уже сложившиеся формы международного сотрудничества.

По этой же причине, отвечающей интересам подавляющего большинства стран, позиция была противопоставлена другая идея,

активно проводима некоторыми участниками Ассамблеи. Контрпредложения сводились к тому, во-первых, что международное сотрудничество в рамках МГТ должно быть прекращено, во-вторых, вместо единого Специального комитета должны быть созданы разрозненные международные комитеты по отдельным видам исследований или по территориальному признаку. (В большинстве случаев эти комитеты должны были, по существу, дублировать, а фактически — подменять работу уже ранее созданных в Европе научных союзов. — Ю. Б.)

Нетрудно видеть, что подобные предложения давались интересами, далекими от науки, и по существу их авторы совершенно игнорировали результаты опроса глав 29 делегаций, высказавшихся за продолжение работ по пересмотренной программе.

Я бы назвал кульминационным пунктом Ассамблеи тот день, когда происходило последнее заседание Консультативного совета, призванного решать организационные проблемы МГТ. В центре внимания как членов совета, находившихся в зале заседаний, так и всех участников Ассамблеи, еще продолжавших научные дискуссии в аудиториях, был один главный вопрос — о дальнейших судьбах сотрудничества ученых, сложившихся на основе МГТ. С возмущением единогласием, в котором необычайно ярко выразилось стремление ученых мира работать на благо прогресса в тесном контакте, члены Консультативного совета, а затем и вся Ассамблея решили продлить МГТ, высказались за сохранение Национальных комитетов и руководящего органа — Специального комитета. Столь же единогласно были отвергнуты предложения о создании особых комитетов по исследованию Арктики и космического пространства.

Успех Международного геофизического года красноречиво свидетельствует, что ученые мира хотят и могут хорошо работать совместно, независимо от их политических взглядов, цвета кожи и вероисповедания. Глубокое внимание заслуживают слова известного английского ученого, профессора С. Чепмена, который убежденно заявил, что успех, достигнутый в ходе МГТ, позволяет рекомендовать распространение его принципов на другие области науки и культуры.

Как всякая мать, она также тревожилась за судьбу сына: «тайком утирала слезы, ей казалось, что Алеша сохнет от работы. Дома она бранилась... — хлопцу отдохнуть надо перед школой, а вы его так запрягли!»

Матери казалось, что ее сына «запрягли». А парень-то был по-настоящему счастлив.

Мы помним, как со всех концов страны ехали на целину добровольцы, ехали по зову сердца, потому что в этом — в труде во имя Родины — видели личное счастье. Низкорослая хилая девушка Грета Воронина из «Ручьев весенних» Е. Пермитина трагедия выдела в том, что ей, московской комсомолке, отказали в путевке на целину, дескать, не доросла еще. Но эта девушка добилась своего — поехала на целину.

Такими дорогами «выбивались в люди» наши молодые современники, подобные Алеше и Грете.

А рядом с ними были и другие, точно пришедшие к нам из иного мира, трутени, метавшие о лаврах гениев, для которых труд — нестойкое занятие, «ужасная трагедия». Были и ловкие дельцы-эгоисты, для которых собственное благополучие — идеал, а все остальное — тряпка-тряпка. И если Костя Барбин, юноша из повести С. Сартанова «Горный ветер», видит поэзию и красоту жизни в труде, то его сослуживцы — стаялка Шкура и матрос Илья Шахворостов, молодой, но уже подающий надежды жулик, — смотрят на труд, как на несчастье. Жалка навивы движет всеми их поступками. Девиз Шахворостова — плюнь на все, береги свое здоровье. А его философия: все должно обобщаться, кто как может.

Костя Барбин мог с гордостью сказать: «Люблю работать!»

В том весь Костя, да и не он один, а целое поколение новых советских людей.

Была у Греты Ворониной сестричка Люсечка. Родная по крови, а по душе — чуждая, она скорей Шахворостову сродни. Грета признается, что когда собиралась на целину, мечтала о героических делах, и еще — подстрекала ненависть к Люсечке, к родной сестре.

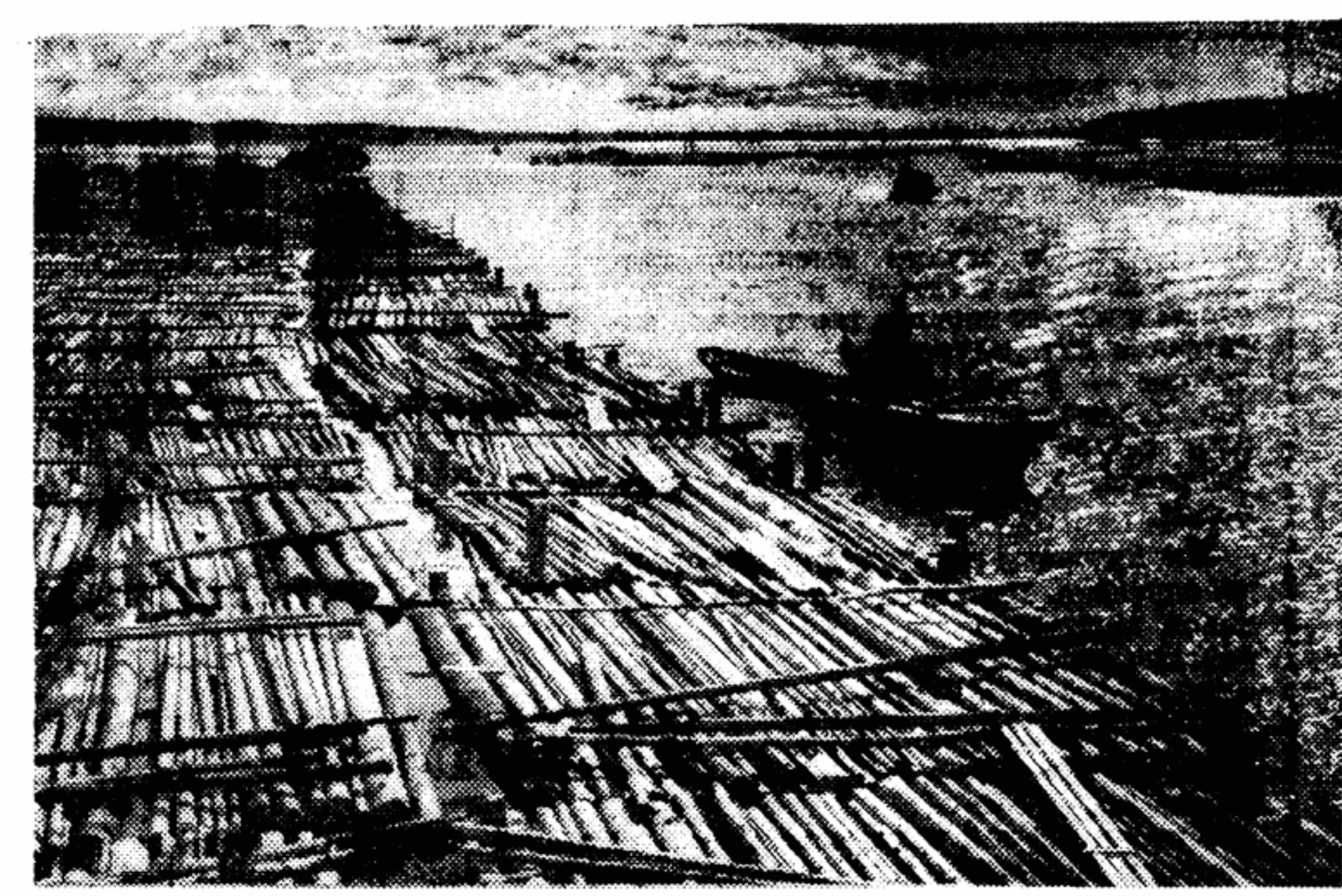
Люся — воинствующая мешчанка, хитрая обывательница. Видя это Люся отговаривала Грету ехать на целину, зачем, мол, это тебе — только что новую комнату в Москве получила, — жи-

В основном наименования новых улиц происходят тогда, когда улицы уже отстроены и заселены.

Куда шравильнее было бы назвать улицы еще тогда, когда дается проектировочное задание архитектору. Это в какой-то степени ориентировало бы их, влохновляло, оказывало влияние на решение архитектурных ансамблей.

Мне кажется, что психологически логично отнесется архитектор к созданию «улиц Радости», чем к строительству 6-й Мазутной... Это не значит, что на Мазутной будут бараки или хибарки. Но без всяких излишеств и увелечения количества колонн на душу населения можно украшать улицы соответственно их именам.

Участие в наименовании улиц — прямое дело писателей, художников, журналистов. Работники Московского Совета утверждают, что не раз обращались в Союз писателей за помощью, но им предлагали только имя Шота Руставели (дело было вскоре после декады грузинской литературы и искусства). Назвали улицу в честь этого чудесного поэта. Все хорошо и правильно. Но разве роль Союза писателей может ограничиться тем, что он будет предлагать литературные имена? Речь идет о живейшем участии писателей в выборе названий улиц, — следовательно, об украшении городов, об украшении нашей жизни.

Лесоплав на Каме. Фотограф А. СКУРИХИНА

Пять лет спустя...

В ЭТОМ ГОДУ лето на Рижском взморье устанавливалось мучительно долго. Как назло даже в самые горячие дни июля северный ветер приносил в Рижский залив обжигающую холодную воду.

Дождливый холодный вечером, когда пляж безлюден, я зашел в один из домов отдыха. Остановился около веранды, в дверях которой стояли две пожилые женщины. Они посматривали на небо и гадали, удастся ли им сегодня достать по второму одеялу. Женщинам было совсем неудобно холодной ночью вот на этой старой веранде, с разнородными стеклышками. Я огляделся. Кругом такие же старые дачи, свидетели тех времен, когда на рижский курорт съезжалась буржуазия.

Я вспомнил, что пять лет тому назад «Литературная газета» писала о рижском курорте. Статья так и называлась: «Новый курорт на старых дачах». В ней говорилось, что ни Министерство здравоохранения СССР, ни республиканские организации не чувствуют себя полноправными хозяевами новой здравницы, а хозяин нужен для реконструкции курорта по единому плану.

С тех пор в организации курортного дела многое перевернулось к лучшему. И на Рижском взморье уже нет былой раздробленности. Нынче почти все дома отдыха и санатории подчинены одному хозяину — Курортному управлению Министерства здравоохранения Латвийской ССР. Ну, а что же изменилось по сути?

Я вспоминаю свою недавнюю беседу с директором дома отдыха «Дубульты» № 18 Павлом Ананьевичем Корнеевым.

— Что вы о нем скажете? — спросил он, указывая на большую двухэтажный деревянный дом с коньком на крыше, на котором помечена дата постройки: «1911».

— Дом, как дом, — говорю я. — Старый. Таких здесь много... — Вот именно, что много, — подхватывает Корнеев. — И вы представляете себе, сколько нужно сил, чтобы поддерживать эти дома в отменном порядке. Почти все только в этой работе полвека назад. Они все больше разрушаются.

Разве на взморье нет ремонтной конторы? — Есть такая контора и принадлежит она Главному курортному управлению Латвийской ССР. Да только в этой конторе нет ни нужного количества рабочих, ни нужного материала. Делает эта контора все кое-как.

Разговорившись, мы спускаемся к пляжу. Солнце и море сегодня работают добросовестно. Молодежь играет в волейбол. Рядом, расстелен на песке полотенца, лежат отдыхающие.

Но странно! Пляж все равно кажется необжитым. Не видно ни одного теннисного кортика, можно было бы укрыться от палящего зноя. Нет ни одной кабинки для раздевания. Для того, чтобы выпить стакан газированной воды, надо идти на центральную ули-

цу или на станцию. Почему же так неблагоустроен пляж? Неужели нельзя поставить парусиновые зонты, как на южных пляжах?

— Конечно, можно, — говорит Корнеев. — Ведь от стоимости каждой двенадцатидневной путевки Санаторное управление отчисляет в так называемый курортный сбор шестидцать рублей. Это составляет огромные средства.

Когда светит солнце и можно купаться в море, — многие недостатки скрываются. Но это для приезжих. А ведь Рижское взморье — это один из городских районов Риги. Казалось бы, близость города обязывает особенно следить за чистотой в этом районе. Здесь происходит постоянное заражение почвы, потому что на взморье до сих пор не проложены водопровод и канализация. Специалисты подсчитали, что это будет стоить около двадцати миллионов рублей. Сумма немалая, но ведь работы можно вести частями с небольшими капитальными вложениями.

Секретарь Юрмалского райкома партии тов. Н. А. Шевченко крайне озабочен состоянием курорта.

— Многие дачи, — говорит он, — не приспособлены для размещения в них домов отдыха. Примерно треть отдыхающих живет на верандах. Некоторые корпуса вообще закрыты, потому что восстановление их уже нецелесообразно. Необходимо строительство новых современных зданий по типу черноморских здравниц. А кафе на пляже не открывают потому, что как бы, говорят, на бутерброд не попала песчинка! И люди, отправляясь на пляж, вынуждены приносить бутерброды с собой и завтракать прямо на песке. Потом оттуда приходится вывозить пустые бутылки, консервные банки, обрывки бумаги. Не можем мы добиться и того, чтобы на взморье была лодочная станция.

КОНЕЧНО, во многих недостатках, о которых говорит тов. Н. А. Шевченко, повинны и местные организации. Ведь можно добиться, чтобы строительная курортная контора своевременно и добросовестно ремонтировала дома, чтобы была организована специальная курортная продовольственная база (до сих пор многие руководители домов отдыха посылают машины за мясом в колхозы за сто пятьдесят — двести километров). Можно построить на взморье и свою прачечную. Подсчитано, что только на те средства, которые дома отдыха тратят на транспорт, отвозящий белье со взморья в прачечные Риги, можно было бы построить несколько благоустроенных прачечных.

Если раньше, когда дома отдыха и санатории принадлежали различным ведомствам, можно было ссылаться на «семь нянек», то теперь здесь один хозяин — Министерство здравоохранения Латвийской ССР. И думается, что настало для него время практических дел, а не формальных решений.

Александр ВОИНОВ

Дорога в люди

НЕДАВНО ко мне зашел мой старый товарищ, фронтной однополчанин.

— Поимамся, трагедия у меня. Сын мой Сережа десятилетку закончил. Надо в вуз поступать, а конкурсы теперь...

— В какой же вуз он хочет поступить? — Да это не имеет значения. Важно поступить. Чтобы диплом был. Нет ли у тебя знакомства в институтах?

— Правильно, мне стало очень неловко за товарища, о котором я всегда был хорошего мнения.

— Так в чем же все-таки трагедия? Сережа может не поступить в институт? А разве это обязательно: со школьной скамьи и в вуз? Ты-то сам, прежде чем попасть в академию, пять лет на заводе работал.

— Подловная улыбка, сощурил глаза, приподняв свой путь в люди, и сказал тихо:

— Единственный он у меня, Сережка.

«Трагедия» полковника очень жизненная. И нет ничего удивительного в том, что советская литература, идущая в ногу с жизнью, не прошла мимо нее. Тема труда и обретенного в труде настоящего, а не мещанского счастья заняла ведущее место в ряде произведений последних лет, таких, как «Криницы» И. Шамякина, «Горный ветер» С. Сартанова, «Ручьи весенние» Е. Пермитина, «Здравствуй, друг» Ю. Збанацкого, и в только что вышедшей из печати и еще не отмеченной критикой умной и честной книге Е. Серебровской «Весенний шум». В этих произведениях разный, но похожий друг на друга произведений глубоко и правдиво раскрыты проблемы, волнующие советских людей — в равной мере отцов и детей.

— Да вы знаете — труд сделал человека.

Иван ШЕВЦОВ

ва. А человек своим трудом украсил землю. Как часто об этом забывают родители, «любящие» своих детей и хлопотушие ради теплых мещетей для них.

Вспомним десятиклассницу Раю из романа Ивана Шамякина «Криницы». Вот ее вызвали в школу поработать денег на перекалке пеньки: надо гнину замесить, просеять и поднести песок. Мать Раи, Аксинья Федосеевна, сама работала и не белоручка, почему-то страшно возмущалась. — Мне думается, канникулки на то и даны, чтоб дитя отдохнуло... — «От чего? Другие дети все канникулки в колхозе работают».

— Ну, Платонович! — отвечает она старому учителю. — За свою дочку я работаю... от темна до темна силены не разбираю... — «Вот это меня и удивляет, что сама ты и силены, верно, не разбираешь, а дочку воспитываешь невредом кем... барышней, белоручкой... Стыд!»

Знакомый, выхваченный из жизни диалог. Но почему же мать так оберегает свое чадо от труда? У Аксиньи Федосеевны на этот счет свои мотивы, тоже не новые и не оригинальные. «Она одна у меня. Отен ее жизнь отдала за то, чтоб судьба ее была другой». Вот тут-то и не права мамаша: мы не верим, чтобы ее муж, Раин отец, хотел видеть свою дочь белоручкой, чтобы он желал ей мещанского счастья. Он хотел видеть ее человеком, строителем нового мира. Но Аксинья Федосеевна упорно твердит свое: «Не хочу, чтоб дитя видела, как моя дочка гнину месит!», на что старый учитель Данила Платонович резонно замечает: «В первый раз слышу, чтоб наш камаз терпел уважение к человеку, который работает...»

И. Шамякин познакомил нас и с этим человеком Раи Алешей Костяком. Но уже человек другого склада. Он коимбыр, вдохновенно трудится на колхозном поле. И это стало для него счастьем. Перед ним распахнулись просторы большой жизни, в которую он входит смело и уверенно. У Алеша, как и у Раи, тоже была мать, для которой он был хоть и не единственным, но не менее дорогим.

и не тужи. Но Грета твердо решила: «Послу! Раз Люсечка говорит «не надо», значит Грозный, Буяный! Пожарный, и к дядьку это кончат!»

По-разному смотрят на труд молодые люди, по-разному думают! То, что для одного кажется «страшнейшим», для другого — радостью жизни. Когда десятиклассник Володя, отчаявшись, сказал: «Провалю отдохнуть в институт... Что тогда буду делать? — Алеша удивленно и даже презрительно посмотрел на товарища. — Как это, что делать? Работать будешь. Приезжай ко мне».

Любовь к родному краю, соединенная любовью к труду, — вот что влекло Андрея Корнева, героя романа Е. Пермитина «Ручьи весенние», из столицы на родину его отца, на Алтай, где он бывал когда-то в детстве. «Здесь, влюбленный в чудесную эту страну, и решил он стать агрономом, чтобы еще пышнее украсить родной край, быть сыпаче пространства, трудом преобразив землю отцов».

Возврат красота родной земли. А ведь было время — и совсем недавно, — когда некоторые деятели от литературы и искусства ехидно высмеивали вот эту любовь к родному краю, презрительно окрестив ее «квасным патриотизмом». Так говорили люди, которым чужда и непонятна наша природа, для которых одинаково скучны и безразличны и белоогоя береза, и тенистая пальма, и колочий кактус. И вот удивительно — Шахворостовы ведь тоже не чувствуют и не понимают красоты родины, душиной ой убоги, хотя и любят иногда порассуждать о высоких материях. Когда Костя Барбин предложил мелкой стаялка Шуре выйти посмотреть на Енисей, та ответила без малейшего смущения: «Да ну его, твой Енисей! Вода и вода, ведь одинакова. А тут и берега даже какие-то облезлые».

И это говорит «художница». Когда читаешь страницы повести С. Сартанова, в которых показана эта «художница», когда вдумываешься в ее откровенную и так метко схваченную писателем фразу, — «более солидных» деятелей от искусства, которые одно время любили критиковать за «квасный патриотизм» и старались доказать массовому читателю (арителю), что «вода ведь одинакова».

Костя Барбин, Алеша Костянок, Андрей Корнев — герои середины XX века.

Разные они по своим характерам, образованию, привычкам. И все-таки, как много у них общего. А главное — общее наследство: Советская власть самое святое для каждого трудящегося человека, потому что добыта, завоевана эта власть ценой неизмеримых жертв, мук и страданий многих поколений, потому что в ней — лучшие мечты гениев и простых смертных. Вот здесь-то и встает во весь рост в новом, коммунистическом освещении вечная тема отцов и детей. Дети — наследники и продолжатели всех лучших деяний, мыслей и надежд своих отцов. Быть достойными наследниками отцов — это значит быть замечательными строителями нового общества. Нашей молодежи есть у кого и есть чему поучиться. Ее учителя, ее пример — это наша Ленинская гвардия, поколение людей, оставших Советскую власть, построивших социализм. Недаром рядом с Алешей Костянком жил замечательный человек — педагог Данила Платонович Шаблюк, который за многие годы учительствования воспитал сотни строителей коммунизма, а в лихую годину гитлеровского нашествия был в рядах народных мстителей.

И когда он умирал, ему не стыдно было за прожитую жизнь. Вспомнил его последние слова к ученикам. Прозвучали они, как завещание: «Погодите, еще одна к вам просьба... Помните, сколько раз мы с вами кричали чистили? Наши кричицы там, в балахах, — он показал в поле, откуда брала свое начало речка. — Не забывайте, прошу вас, о них, а то заплынут илом, засорятся, пересохнут... Кричицы должны быть чистыми!»

Наше общество должно быть чистым от лжецов, шахворостовых и прочего ила. Настоящие люди, не стесняющиеся должности «кассиратора и водовоза», такие, как Алеша Костянок, не дадут ему засориться.

Большое дело завещано и Косте Барбину. На его жизненном пути тоже встретился учитель — академик Иван Андреевич.

Иван Андреевич учил Барбину: «По должности... ты действительно делаешь все, что положено, и не пазказному делаешь. Но есть еще такая прехоскодная должность, как говорит Алексей Максимович Горький, «быть на земле человеком». Шутка скажешь! Отвечать не только за порядок и чистоту на палубе сво-

го теплохода, а за прогресс, за развитие, за развитие вперед всего человечества. За всю судьбу, за жизнь, за счастье его. По должности человека это главная его обязанность. Разве матросу не положено иметь по совместительству в такую должность?»

И скоро, очень скоро рядовой матрос Барбин под влиянием бесед с этим умным, удивительным человеком почувствовал себя тем, кем по праву должен быть каждый советский человек — хозяином земли. Как левиз, звучат слова: «Костя, нам до всего должно быть дело!»

За-за поломки механизма теплохода на несколько часов задержался в одном порту. 500 пассажиров толпились на берегу, ожидая посадки. Но капитан не пускал людей на теплоход, потому что инструкция запрещала производить посадку до полного завершения ремонта. Барбин видит несладость такого положения и горячо говорит об этом строгому капитану.

И вот, махнув рукой на инструкцию, дает сигнал на посадку. Костя Барбин сделал доброе дело для пятисот человек, которым, не вмешайся он, сидеть бы еще несколько часов с ребятами на берегу, мокнуть под дождем. Вот что значит быть на земле человеком. Делать людям добро — равносильно подвигу. В этом и кроется настоящее счастье. Дорога к нему лежит через труд, а вовсе не «через Соколынина», как это считают некоторые драматурги, не знающие настоящей жизни и выдумывающие нелепые ситуации из жизни злободневную и серьезную тему — о поисках счастья, о вступлении молодого человека в жизнь.

Мне бы хотелось закончить статью словами простого советского парня Кости Барбина, обращенными к самому себе:

«Ты хочешь повторить жизнь Олола, жизнь Павки Корчагина, Алексея Мересьева, а времена не те, и негде положить свои силы. А правила ли, что негде? Или у нас в стране уже полное изобилие? Или никто уже не живет у нас в тесных и сырых каморках? Или настолько уничтожены все болезни? Или никакие темные силы никогда уже не посядут на границы твоей родной земли? Или нет за рубежом наших братьев, которым лог и нужен твой пример? Это все — твоё дело, матрос Барбин. Следуй за порядком и чистоту на палубе сво-

СВЯЗЬ ВРЕМЕН

ЗАХОТЕЛОСЬ МНЕ побывать в местах, где прошло детство: Миассский завод, Ильменский заповедник, Тургояк.

Машина бежала по дороге, для меня незнакомой, и вдруг неожиданно понял я, что въезжаем в Миасский завод со стороны огромного заводского пруда, куда за последние годы садилось солнце. И тут все сразу встало на свои места, все стало милым, знакомым, родным. Мы перешли замыкающую пруд плотину, — раньше, бременчатая, почерневшая от древности, она была теперь забетонирована, — и вот площадь, которую я не видел ровно полвека.

Площадь, конечно, показалась мне тесной, исчезли и старые вывески: вот здесь была торговля мануфактурными товарами Бакакина, но магазин сохранился, и по-прежнему стоит купеческий дом. Купцы Бакакины и Возьмилинны, колбасник Факирод и директор золотопромышленной концессии Закер, — я не выдумал эти фамилии, они запомнились мне так, как запоминаются вывески, по которым упрежняешься в первоначальном чтении.

Цельный уклад уездной дореволюционной жизни исчез бесследно. И хотя память моя хранит множество печально-смешных историй дореволюционной жизни таких вот заштатных и уездных городков, я забывшу этими историями разве что в мемуарах, потому что после Горького и Чехова мало что можно написать нового об этом укладе, об этой жизни.

Предреволюционная эпоха ушла в безвозвратное прошлое, на авансцене вышли новые, ранее никогда и вглубь толком не описанные герои. Займемся ими, друзья, — перед нами непочатое поле работы!

НЕЛЬЗЯ СКАЗАТЬ, чтобы старый мир исчез безболезненно и бесшумно, хозяев старого мира пришлось стаскивать с исторической сцены с жарким трудом и грохотом. Во время пребывания на Южном Урале я прочел книгу «Земля родная» — литературный сборник, изданный Челябинским книжным издательством. И когда читаешь очерк П. Мещерякова «В тылу у белых», кажется, что страницы эти заливаются кровью большевиков. Если бы не потоки этой чистой, благородной крови, отечественное искусство и господа иностранные концессионеры с созидания продажного царского правительства до сих пор выкачивали бы золото и самоцветы из южноуральской земли, переправляя ее богатства за границу. И, конечно, по сей час косяком бы во всяческой ярине и невежестве, в уездной безысходности неспасимом количестве городов и сел нашей земли, победных Миассу и Челябинску.

«Я уверена, что ни одна жизнь, ни одна капля крови наших борцов за свободу не пропадет даром...» — писала в колчаковской тюрьме перед казнью челябинская большевичка-политкомандир Рита Костяновская. И в душе моей вдруг с особенной силой зазвучали эти слова, когда, свернув на заветную для меня дорогу из Миасса в старинное уральское село Тургояк, мы въехали вдруг на ярко освещенную улицу многоэтажных домов, увидели впереди громаду Миасского автозавода. — там, где раньше была непробудная глушь.

Для молодого советского человека нашего времени, конечно, ничего необычного здесь не было. Машина катилась по асфальтированной, хорошо приспособленной для автомобильного движения улице: пышно разросшийся, дышащий свежестью и ароматом цветов бульвар направлял движение во всю ее длину... Многоэтажные дома, в окнах — электрический свет... Вот мелькнули школа-десятилетка, клуб, детский сад, геологоразведочный техникум, асли, снова школа. И магазины, магазины... Нет, не в старой купеческой площади, а здесь теперь центр жизни Миасского района!

Движение оживленное, едем мы медленно, и вечерняя, как всегда несколько лхорозачная, городская жизнь захлестывает нас. Откуда-то слышны песни, музыка и счастливый смех... А ведь еще сегодня утром, я в «Миасской долине» Гравшицкая, напечатанной в упомянутой выше «Земле родной», читал, как трезвой осенью 1941 года Московский автомобильный завод встал на колеса и прибыл сюда, на восток, в глухую долину под Ильменским хребтом.

И МНЕ ПРЕДСТАВИЛИСЬ две карты Южного Урала в областном музее в Челябинске. Наимается кнопка, загорается лампочка на одной карте, — и я узнаю знакомую мне картину расположения промышленных предприятий до революции. Видишь, что по тем временам Южный Урал уже был промышленным районом. На нажимаются вторая кнопка, и на второй карте зажигается столько огней, что они освещают весь полупустынный уголок музея. И Челябинск, столица края, выглядит на второй карте как могучее созвездие промышленных гигантов. Здесь до революции было всего лишь одно более или менее значительное металлургическое предприятие. За годы первых пятилеток число промышленных рабочих тут возросло в одиннадцать раз! Сейчас счет рабочего населения идет на сотни тысяч.

Откуда он взялся, этот новый рабочий класс? До революции население нашей области было довольно нестро. Здесь, в станицах, рылом с казаками жили иногородние крестьяне, попадавшие и башикирские аулы... В горных местностях рылом со старинным рабочим населением, жившим по заводским поселкам, вроде моего родного Миасса, поселились крестьяне-старожилы, бежавшие от преследования царского правительства. В южных районах нашей области можно было встретить и казахские кочевья, а рядом украинские, с белями хатками и вышними салями деревни, основанные переселенцами, бежавшими от малоземелья и панского гнета.

Ю. ЛИБЕДИНСКИЙ

Много ленинградцев, москвичей, украинцев приехало на Урал в годы войны. По окончании войны люди возвращались к себе на обжитые места, как это произошло хотя бы со строителями Миасского завода. А их места на производстве заняли жители Миасса, крестьяне Тургояка... Как-то в своих юношеских скитаниях забрел я в деревню Куштунга. На мой вопрос, куда идет дальше дорога, дел-штунки ответил: «Дороги дальше нет, на одном конце Санкт-Петербург, а на другом Куштунга!» Так вот даже эта, затинутая под самым уральским хребтом Куштунга пришла в большое количество работать на Уральский автомобильный завод.

А ведь сколько ученого взора намодели в свое время меньшечки, а за ними троюклеты по поводу того, что в России вследствие малочисленности русского пролетариата не может быть успешно проведена социалистическая революция! Сколько юродивой чуши нагромодили асеры об исконной «сутряхной» привязанности крестьянина к земле!

И когда передо мной ярко сияла карта Южного Урала, словно освещая и его прошлое, и настоящее, и будущее, — зрело за звоном свистящих воинов все годы, прожитые мною. Права была Рита Костяновская: ни одна капля крови большевиков, пролитая в борьбе за утверждение Советской власти, не пропала даром. Нерушимо цепляясь связь времен нашей эпохи, святой кровью и благородным трудом скреплена она.

В НАШЕМ УСТАВЕ, принятом на Первом съезде писателей, мы записали, что социалистический реализм требует изображения действительности в ее революционном развитии. Формулировка, казалось бы, краткая и простая, но мне она представляется внешне точной, и, пожалуй, на эту тему можно было бы не заводить разговор, если бы за последние время в некоторых литературных кругах не стали поговаривать о том, что задача советской литературы укладывается в формулу еще более простую: «писать правду». Но ведь писать правду в наше время — это и значит изображать действительность в ее революционном развитии, в ее движении к коммунизму. Там, где нет революционного развития, там отсутствует правда, она подменяется в лучшем случае правдивым изображением подробностей жизни.

Действительность в ее революционном развитии! Разве эта формула является для нас, советских писателей, результатом абстрактной «головной» деятельности? Взять хотя бы то, что произошло за революционную эпоху здесь, у меня на родине, на Южном Урале. — ведь только этой формулой революционного развития и можно охватить эти грандиозные изменения! Так было еще тогда, когда мы, писатели, начали двадцатых годов, задумывая свои первые произведения, — уже тогда билась мы над тем, чтобы показать, как разрушается старый мир и строится новый, небывалый, находящийся в движении и движущийся к коммунизму. И мы понимали, что наш реализм в соответствии с небывалой новизной самого объекта изображения должен быть каким-то новым реализмом. Нет, мы не выдумали социалистический реализм, не получили его готовеньким в циркулярном порядке, — мы извлекли его из самой действительности, утвердили его в своих произведениях.

И чем ближе мы сейчас к коммунизму, тем все большее значение приобретает этот выстраданный и выработанный всей историей советской литературы художественный метод!

Так думал я, когда мы ехали на Челябинский тракторный завод, который можно считать первенцем в той семье промышленных гигантов, что выросли в кругу Челябинска. Этим летом Челябинский тракторный отразивал свое двадцатипятилетие. И когда громада завода медленно вырастала перед нами, мне все вспоминалось, как Александр Блок, увидев среди пустыи и бескрайней степи «многорукий корпус завода, города из рабочих лагул», в предчувствия огромных исторических свитгов, предстоящих России, сказал:

То над степью пустой загорелась Мне Америки новой звезда!

То время для обозначения небывалой новизны, которую предчувствовал поэт, он не мог найти другого сравнения. Но мы-то знаем, какой небывалой новизны мир расцвел под социалистической звездой Советской России.

И все время пока я шел по высоким сводами огромной кузнicy ЧТЗ, а потом по отделению сборочного цеха, эта мысль не переставала волновать и радовать меня. И право, мое волнение и радость имели основание. Ведь и грандиозные молоты, и кованные машины, и пышащие огнем печи ЧТЗ — все это движимо не логичной за користью, а светлым разумом партии коммунистов, вождию собранной все хозяйство и направляющей его к единой цели — к коммунизму. Вот почему труд рабочих представлялся мне исполненным вдохновения и воодушевления. И дыхание будущего, тепер уже близкого, дыхание коммунизма явственно доходило до меня.

И слова я мысленно переписывал страницы сборника «Земля родная», где в рассказе И. Таганцева старик-доменик Шерабурко думает: «И что нынче за народ пошел: один после работы стихи сочиняет, другой на сцене песни поет, третий за книгами!»

Рассказ этот хорошо передает обстановку советского предприятия, духовную атмосферу его. Главные герои этого рассказа — Степан Задоров и Кирилл Шерабурко принадлежат к самой высококвали-

фицированной, хорошо оплачиваемой категории советских рабочих. Но в то время как Степан Задоров высокий заработок позволяет покупать книги и пополнять свое образование, с Шерабурко, который когда-то прибыл сюда в составе первой партии строителей нового города в степи, происходят процессы социального перерождения. Высокий заработок позволяет ему построить в поселке индивидуальные застройщиков свой домик, он заставил его полированными шкафами, столами да стульями, «потом и «Победу» завез, и в сверхкасу денег натаскал порядочно...» А собственная машина повлекла за собой возможность ездить на далекие озера, «там свежую рыбу покупали по три рубля за килограмм, а в городе продавали по 10—12 рублей... Случалось, что яиц в деревне прихватывали...»

И вот наблюдательный и умный автор подмечает, как уже в новых, социалистических условиях, на основе высокого заработка, которым вознаграждает государство высококвалифицированного рабочего, может выработаться торгаш и живодер, наживающийся на базаре за счет своего же брата-трудящегося.

Борьба между носителями этих двух враждебных тенденций не случайно кончается победой Степана Задорова и поражением Кирилла Шерабурко, — на стороне Степа на весь социалистический порядок советского предприятия. Борьба между Задоровым и Шерабурко — это, конечно, совсем уже не та кровавая борьба, которая исторгла из сердца большевички Риты Костяновской привнесшие выше пламенные слова. В рассказе И. Таганцева борьба между социализмом, как господствующей тенденцией развития нашего общества, и пережитками капитализма приняла идеологический и нравственный характер. Жизнь в этом рассказе показана в реальном пределе, противоречий. А это и значит — действительность показана в ее революционном развитии.

ТАГАНАЕВ поднял этот острый, по-настоящему драматический конфликт, порожденный нашей сегодняшней действительностью, и никакой «лафос дистанции» ему не понадобился. «Правда» в несредовой статье своевременно указала на вред подобного рода гнилых «теорий».

Можно было бы, конечно, назвать несколько десятков блестящих и всем известных имен советских писателей, которые без всяких ложных муштвований о «лафосе дистанции» всем сердцем откликнулись на то, что происходило в нашей стране в Советскую эпоху. Конечно, нам, представителям старшего писательского поколения, да и руководителям Союза писателей следует задать себе вопрос: все ли мы сделали для того, чтобы помочь индивидуальному росту наших товарищей, пишущих на тему о современности, то есть связанных за выполнение важнейшей, очень сложной литературной задачи.

Рассматривая творчество писателей, пишущих на современные темы, надо исходить из того, что новое содержание, найденное ими в жизни, должно повлечь за собой поиски новых форм. Об этом думал я, читая «За далью» — даль А. Твардовского.

Александр Твардовский, проехав из конца в конец нашей Родины, сумел выразить новизну сегодняшнего дня и величие наших дел необычайно ярко, совсем по-своему.

В. Солоухин в очерках «Владимирские проселки» с поэтической прелестью и глубиной воссел родную природу средней России и с реалистической силой показал все лучшее в нашей советской жизни, но, кстати сказать, совсем не скрыв также и наши недостатки.

Иногда бывает и так, что писатель в разговоре с читателем открывает для себя новые и далекие уходящие в будущее перспективы. Так больше двадцати лет назад случилось со мной, когда у меня произошел разговор с молодым стажером, ленинградским строителем. Чтобы приоткрыть его к чтению классической литературы, я прочел ему «Моната и Сальери». Пушкинский шедевр поразило его, он взял книгу с собой и дома перечел ее несколько раз.

Но почему же Пушкин разделил труд и творчество? — спросил он, когда мы встретились.

Мы много тогда говорили о замысле Пушкина, о зависти и злодестве Сальери. Но собеседник мой снова и снова возвращался к тому, что Сальери показан у Пушкина великим тружеником, и опять спрашивал:

Почему же вдохновение Мошарта не может соединиться с тем подвигот трудолюбия, который так описан у Сальери? И я слышал в этом желании соединить труд и творчество голос души моего, советского рабочего, рабочего — гражданина небывалого общества, осуществляющего коммунизм.

И сейчас, после поездки на родину, в эти месяцы, приближающие нас к предстоящим писательским съездам, я снова и снова вспоминаю тот, ушедший в далекое прошлое разговор, — его как бы подкрепляют все впечатления моей поездки, все раздумья о нашей литературе. Помнить о том, что задача советской литературы определяется строительством социализма в нашей стране. Не забывать о том, что самый художественный метод нашей литературы подтвержден советской действительностью и предопределяется лнией партии, и не давать перестраивать той, что утверждено всем опытом советской литературы — связью времен нашей эпохи. Борьтесь против воссращения скороспелого, пролеткультовского подхода к вопросам культуры и руководствоваться в своей писательской работе ленинским учением о культуре. Неустанно учить молодых писателей тому, что лишь соединение труда и творчества обеспечит нам близкое осуществление великой мечты о коммунизме, — вот те важнейшие задачи, которые стоят перед советскими писателями, перед всей советской литературой.

Мих. ФРОЛОВ

СЧАСТЬЕ

Жить на земле, пропитанной бензолом, Рыть котлованы, строить бункера. Вгрызаться в грабы и в дубы веселым, Шляфованным металлом топора. Любить подруг, таких же работающих, Таких же неуступчивых, как мы, — Не канареек, спутниц настоящих, Чьи мысли, чувства, действия прямы.

ПО СТРАНИЦАМ ГАЗЕТ

Хорошие слова

В ПОДГОТОВКЕ писательских съездов многое могут и должны сделать республиканские газеты. «Литературные страницы», полосу, посвященную литературным соседних республик и областей, подборки читательских писем — вот те формы, которые, помимо обычных статей на литературные темы, помогают газетам организовать накануне съездов широкое обсуждение вопросов литературной жизни. Хорошую полосу читательских писем о литературе опубликовала 17 августа «Советская Молдавия».

«За тесную связь литературы с жизнью народа» — озаглавлена эта полоса. Газета предоставляет слово рабочим, колхозникам, студентам, работнику библиотеки, директору театра, члену литературного объединения... Высказывая свое мнение о книгах мордовских писателей (иногда неприятное для авторов, но всегда продиктованное заботой о литературе), авторы писем призывают писателей ближе встать к жизни народа, больше писать о современности, о повседневных делах советских людей.

«Приходите, товарищи писатели, в наши цеха, на лесок новострой, — пишет строитель А. Лосков — и перед вами откроется настоящая романтика коммунистического строительства... У нас вы найдете замечательных ребят, людей с горячим сердцем и настоящим благородством, встретите чудесных, обаятельных девушек, которые кажутся немного неуклюжими в рабочих комбинезонах, но стройными и красивыми во время работы... Возродите славные традиции 30-х годов, традиции Ф. Гладкова, Б. Горбатова и многих других, живших на одном участке со строителями Магнитки и Днепрострой, шахт Донбасса... И со стороны сойдут к нам герои, понятные, близкие, дорогие».

Хорошие слова! Мордовский читатель обратился с ними к мордовским писателям. Мы цитируем эти слова для писателей всех республик.

ВЫШЛИ В СЕТ...

- Герт Ю. Преодоление. Повесть. Петроавловск. Государственное издательство Казахской АССР. 69 стр. 60 000 экз. 2 руб.
Ильина И. Зеленое золото. Повесть. Адрианополис. Издательство «Мир». 120 стр. 15 000 экз. 1 руб. 40 коп.
Иошкар-Ола. Книгоиздательство Марийской АССР. 66 стр. 3 000 экз. 1 руб. 10 коп.
Ирошкин В. и Нильнев В. Путешествие на «Скорлупке». Благоевещанск. Амурское книжное издательство. 174 стр. 15 000 экз. 2 руб. 75 коп.
Ковалева В. Даль родные. Стихи. Ростовское книжное издательство. 72 стр. 2 000 экз. 75 коп.
Малыгин В. Даль степная. Повесть. Оренбургское книжное издательство. 187 стр. 10 000 экз. 4 руб. 60 коп.
Маркин И. Люди греховных лет. Роман. «Молодая гвардия». 423 стр. 90 000 экз. 1 руб. 45 коп.
Никитин И. Избранное. Подготовка текста и вступительная статья Г. Юстина. Торевское книжное издательство. 380 стр. 15 000 экз. 4 руб. 85 коп.
Ромечук А. Берега. Повесть и рассказы. Свердловск. Книжное издательство. 207 стр. 5 000 экз. 4 руб.
Садковский В. Испытание любви. Две пьесы. Пензенское книжное издательство. 124 стр. 3 000 экз. 1 руб. 90 коп.
Соболев Л. Морская душа — Зеленой туче. Дорожная повесть. Вступительная статья В. Суриганова. «Молодая гвардия». 79 стр. 75 000 экз. 1 руб. 20 коп.
Федоров И. Заря над Доном. Стихи. Ростовское книжное издательство. 64 стр. 3 000 экз. 60 коп.
Чаушун И. Атомная крепость. Роман. Воениздат. 534 стр. (Библиотечка военных приключений). 9 руб. 60 коп.
Чиковани Г. Грань жизни. Рассказы и очерки. Перевод с грузинского. Издательство «Заря Востока». 346 стр. 20 000 экз. 7 руб.

В августе

В августе

В августе журнала «Вопросы истории» опубликована статья «Роль А. М. Горького в организации издания «Истории гражданской войны» в СССР». Авторы статьи — С. Найдя и М. Рыбак — пишут: «Литературно-художественная и общественно-политическая деятельность А. М. Горького заслуженно является и будет являться предметом многих исследований, темой книг и статей. Но из многогранной работы великого пролетарского писателя и революционера одна сторона оставалась до сих пор недостаточно изученной. Мы имеем в виду большую вклад А. М. Горького в советскую историческую науку, точнее, в разработку истории социалистической революции, истории российской пролетариата». Названная статья и представляет собой попытку осветить часть этой проблемы.

Как известно, инициатором издания «Истории гражданской войны в СССР» и привлечения к ее написанию широкого круга авторов — непосредственных участников событий, историков, писателей — был Алексей Максимович. Центральный Комитет партии в специальном постановлении от 30 июля 1931 года одобрил и поддержал эту инициативу. Членами редакционной группы издания были утверждены А. М. Горький, К. Е. Ворошилов, С. М. Киров, А. С. Бубнов, Я. Б. Самарин, И. В. Сталин. Уже сам состав редакционной свидетельствовал о том, какое серьезное значение придавал ЦК партии осуществлению горьковского предложения.

Опираясь на многочисленные документы, сосредоточенные сейчас в секторе Истории гражданской войны Института марксизма-ленинизма, С. Найдя и М. Рыбак рассказывают в своей статье о той огромной организаторской и редакторской работе, которая была проделана Алексеем Максимовичем Горьким, приводя выдержки из его отрывков рукописи «Истории», цитируют отдельные замечания, сделанные им при редактировании первого тома.

Вокруг редакции «Истории гражданской войны» быстро сложилась большая авторский актив, и это была заслуга прежде всего А. М. Горького. Он обратился к участникам гражданской войны и ко всем работникам советской культуры с призывом дать «как можно больше живых, правдиво рассказанных фактов». «Чем больше соберется материала — писал он, — тем полнее и правдивее будет «История», которую необходимо знать всем трудящимся. Редактора «Истории» твердо надеются, что на их призыв немедленно откликнутся все те люди, которым понятна огромная и трудная задача, решить которую мы обязаны... И так — за дело! Дело большое и хорошее».

Обращение это нашло горячий отклик. Уже к концу 1932 года в распоряжении редакции «Истории гражданской войны» имелся обширный и разнообразный материал. Оценивая содержание подготовленного редакцией первого тома, Алексей Максимович в апреле 1934 года писал Центральному Комитету партии, что в целом рукопись содержит «много новых и очень ценных данных» и представляет собой первую сводную работу «по одному из самых величественных моментов истории».

Но собранный материал послужил основой не только для томов «Истории гражданской войны», а и для целого

ЧИТАЯ ЖУРНАЛЫ... А. М. ГОРЬКИЙ

И ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА

ряда отдельных научно-исследовательских работ и художественных произведений. В статье говорится, что ученый или писатель, задумавший писать биографию или историческую повесть, всегда должен обращаться к товарищеской помощи и совет Алексея Максимовича. В то же время он сам неоднократно обращался за советом и помощью к выдающимся деятелям Коммунистической партии и Советского государства, к прославленному герою гражданской войны.

В статье, например, упоминается о том, что в апреле 1935 года А. М. Горький сообщил К. Е. Ворошилову о начале работы Алексея Толстого над художественным произведением, посвященным героической обороне Парижскими коммунарами. Материал был собран сотрудниками Секретариата Главной редакции «Истории гражданской войны». Горький просил тов. Ворошилова принять участие в работе, историков, писателей — был Алексей Максимович. Центральный Комитет партии в специальном постановлении от 30 июля 1931 года одобрил и поддержал эту инициативу. Членами редакционной группы издания были утверждены А. М. Горький, К. Е. Ворошилов, С. М. Киров, А. С. Бубнов, Я. Б. Самарин, И. В. Сталин. Уже сам состав редакционной свидетельствовал о том, какое серьезное значение придавал ЦК партии осуществлению горьковского предложения.

Опираясь на многочисленные документы, сосредоточенные сейчас в секторе Истории гражданской войны Института марксизма-ленинизма, С. Найдя и М. Рыбак рассказывают в своей статье о той огромной организаторской и редакторской работе, которая была проделана Алексеем Максимовичем Горьким, приводя выдержки из его отрывков рукописи «Истории», цитируют отдельные замечания, сделанные им при редактировании первого тома.

Вокруг редакции «Истории гражданской войны» быстро сложилась большая авторский актив, и это была заслуга прежде всего А. М. Горького. Он обратился к участникам гражданской войны и ко всем работникам советской культуры с призывом дать «как можно больше живых, правдиво рассказанных фактов». «Чем больше соберется материала — писал он, — тем полнее и правдивее будет «История», которую необходимо знать всем трудящимся. Редактора «Истории» твердо надеются, что на их призыв немедленно откликнутся все те люди, которым понятна огромная и трудная задача, решить которую мы обязаны... И так — за дело! Дело большое и хорошее».

Обращение это нашло горячий отклик. Уже к концу 1932 года в распоряжении редакции «Истории гражданской войны» имелся обширный и разнообразный материал. Оценивая содержание подготовленного редакцией первого тома, Алексей Максимович в апреле 1934 года писал Центральному Комитету партии, что в целом рукопись содержит «много новых и очень ценных данных» и представляет собой первую сводную работу «по одному из самых величественных моментов истории».

Но собранный материал послужил основой не только для томов «Истории гражданской войны», а и для целого

ЛИТЕРАТОР

Современности — главное внимание

Совещание литераторов Чечено-Ингушетии

ОФИЦИАЛЬНО это трехдневное совещание называлось «семинар молодых писателей». Однако и в докладах, и в прениях был затронут очень широкий круг вопросов, волнующих всю писательскую общественность области.

Созданная в годы Советской власти чечено-ингушская литература всегда отличалась актуальностью тематики, — сказал в своем докладе о задачах писательской организации И. Вазоркин. Наиболее значительные произведения последних лет — это роман С. Арсанова «Когда поназает дружба», поэма Н. Музаева «Говорит Селим», очерки и рассказы М. Мамакаева. Немало стихотворений, поэм, пьес посвящено участию чечено-ингушского народа в революционном движении, его дружбе с русским народом, сложившейся в борьбе за социальное освобождение бывших царских колоний. Таковы произведения С. Вадуева, Х. Ошаева, Х. Муталиева, А. Веджишева, А. Хамидова и других. Но писатели все еще в большом долгу перед народом. Главное — многие авторы отошли от современной тематики, а ей должно быть уделено главное внимание.

Перед литераторами республики — постоянное безбрежное поле деятельности. Нужны крупные прозаические произведения. Плохо обстоит дело с драматургией и детской литературой. Остается желать лучшего деятельности переводчиков.

Творчество молодежи был посвящен доклад Н. Музаева. Он отметил, что вокруг Союза писателей объединилось значительное число молодых способ-

ных литераторов. Среди них: А. Айдемир, Р. Ахматов, Ш. Окуев, М. Кебев, А. Бокое, чьи имена уже хорошо известны читателям. Н. Музаев разработал произведения молодых поэтов. Общие недостатки многих стихов — мелкотемье, риторичность, многословие. Молодым писателям следует больше учиться у классиков русской и советской литературы, у старших товарищей.

В республике живет и трудится большая группа поэтов и прозаиков, пишущих на русском языке: И. Трунов, В. Черемисин, Г. Голубев, А. Казаков, В. Карев, Н. Новотельнов, Р. Болтачев, Р. Тулинова и другие. Об их творчестве рассказали М. Сулаев и Е. Кеудзаева.

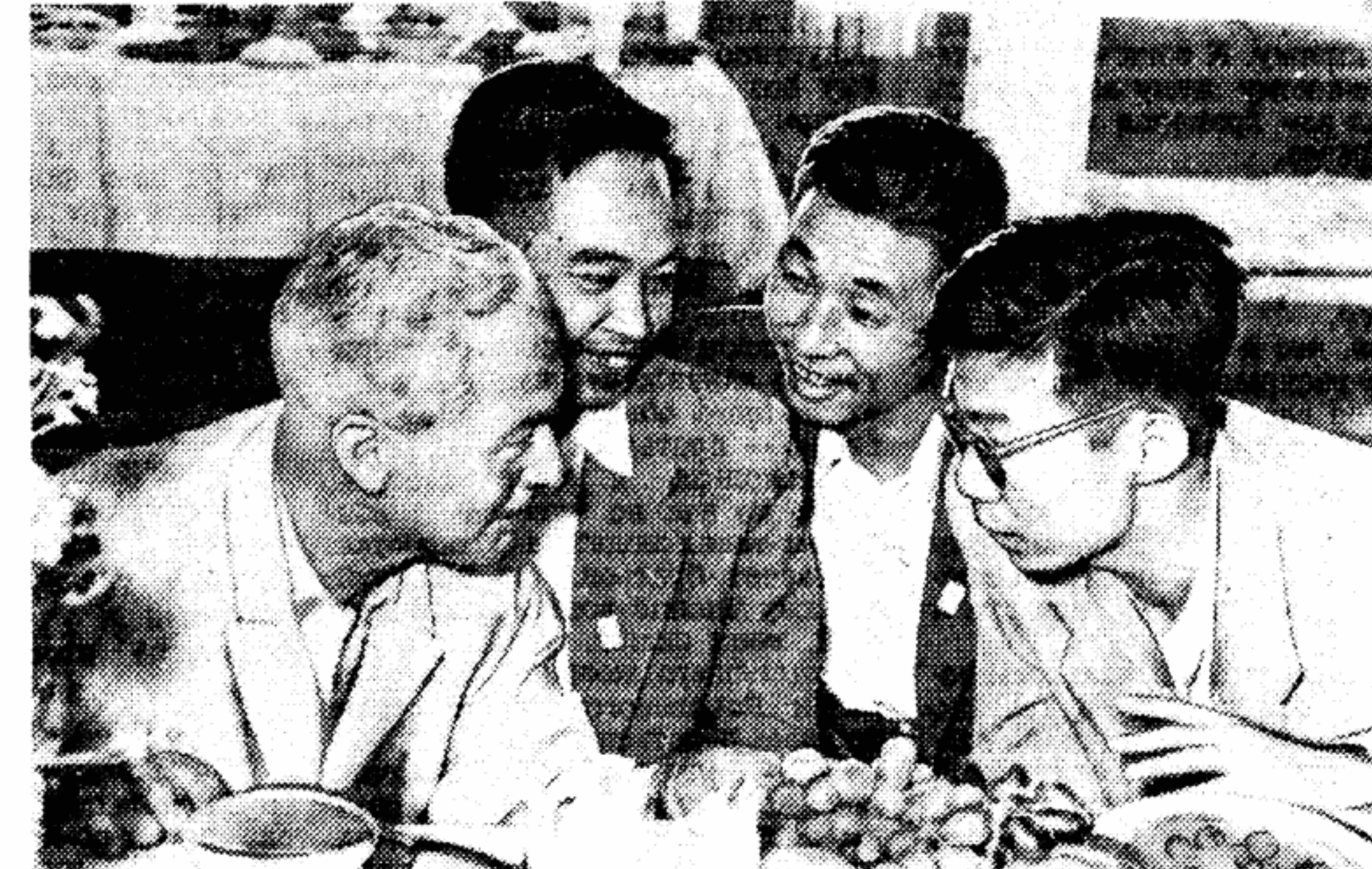
Участники совещания критиковали руководителей республиканского Союза писателей за слабую работу с начинающими авторами, которые зачастую не получают квалифицированной консультации. Не охватывая ни помощи и редакции местных газет. Очень редко, от случая к случаю, появляются в газетах стихи молодых поэтов, рецензии на новые литературные произведения. Немало замечаний вызывает деятельность республиканского книжного издательства.

Во время совещания работали чеченская, ингушская и русская творческие секции, где обсуждали произведения молодых авторов. Состоялись встречи с читателями.

Ю. ДАШЕВСКИЙ (Наш спецкор)

ГРОЗНЫЙ

Кинофестиваль стран Азии и Африки

НА ПЛОЩАДИ имени Ленина шестой день горит факел фестиваля. Вслед за азербайджанскими, армянскими, бирманскими, грузинскими фильмами вчера демонстрировались фильмы Республики Индия и Индонезийской Республики. Наши зрители давно полюбили киноискусство Индии. В эти дни, увидев чудесные фильмы «Бахки» («Невестка») и «Гридевата», они вновь были захвачены глубиной раскрытия человеческих характеров, дра-

та с деятелями искусства Объединенной Арабской Республики состоялась в Парке культуры и отдыха имени Сталина встреча с представителями Народного артиста Республики А. Турдыев. Представитель ОАР Мохаммед Салих Анвар сказал:

Мы гордимся дружбой с советским народом. Благодаря поддержке Советского Союза мы победили в прошлом. Благодаря дружбе с вами мы победим и сейчас и одержим победу в будущем.

В Парке имени Кирова текстильщики, машиностроители и обучающие Ташкента встретились с делегацией кино Бирманского Союза. Бирманский режиссер У. Нан Бу рассказал о развитии бирманской кинематографии. Гости из многих стран в воскресенье ездили в колхоз «Ильин Успенский». Орденский район, Ташкентская область. Их радушно принимали узбекские колхозники. В тентном саду дома отдыха колхоза завязалась дружеская беседа между гостями и колхозниками. Говорили о культуре и социалистической жизни узбекского народа, о жизни народов стран, откуда приехали дорогие гости. Встреча прошла в дружелюбной обстановке.

Сегодня в Октябрьском районе Ташкента состоялась конференция по поводу кинофестиваля стран Азии и Африки состоялись пресс-конференция для советских и иностранных журналистов. Ужид ГУЛАМ, спец. корресп. «Литературной газеты» Ташкент, 25 августа. (По телефону) Р. Кармен беседует с делегатами фестиваля этого волнующий рассказ о борьбе индонезийцев за свободу и счастье народа, против голландских захватчиков. В дни кинофестиваля гости из-за рубежа знакомятся с жизнью узбекского народа. Незабываемая встреча трудящихся Ташкента.

ТРОН НА ШТЫКАХ

КОЛИЧЕСТВО королей на Ближнем Востоке сокращается весьма быстрыми темпами. Революция свалила монархию в Египте. Месяц тому назад рухнула монархия в Иране. Иорданский король Хусейн отприсяг древней династии Хашимитов, страдая от раздирающей судьбу Фаруна и Фейсала. Он сидит во дворце окружном бронетомогилом и пулеметами, и не выходит наружу без сильного эскорта пулеметчиков и стрелков. Его лицу пробует специальный целовек; нет ли отравы. Короля охраняют английские солдаты в красных беретах. Это 16-я парашютная бригада, носящая кличку «Красные дьяволы».

Что ж, жалкое положение Хусейна — логический результат политики английских империалистов, с одной стороны, и прислужничества растленной феодальной знати Востока — с другой.

После того как в 1922 году правительство Англии признало Трансиорданию «независимым» государством, в лондонских канцеляриях довольно ухмылялись: на троне восседал эмир из древней арабской семьи, но все знали, что он — лишь пешка в руках Форейн офиса; армия называлась Арабским легионом, но находилась под командованием английских офицеров и была создана для войны против арабов; во главе вооруженных сил стоял целовек с арабским титулом «паша», но на самом деле Глабо-паша был чисто английским англичанином Джомом Глабом.

Трансиордания превратилась в Иорданию в 1950 году, когда после палестинской войны к ней была присоединена часть Палестины к западу от реки Иордан. С тех пор палестинамиллионное население страны состоит из трех примерно равных по численности частей: во-первых, ювечные и полувоседыте бедуны «старой» провинции государства — это самая неразвитая в политическом отношении часть иорданского общества, от лица которой выступают богатые шейхи, издавна связанные с англичанами; во-вторых, активное население присоединенной части Палестины, прошедшее школу борьбы против британских оккупантов; и, в-третьих, полмиллиона беженцев из западной части Палестины, отошедшей к Израилю, — это, как пишут западные журналисты, наиболее «беспокойный и взрывчатый элемент». Лишь первая треть считалась хотя и сомнительной, но все же опорой короля. Сейчас и бедуны стали ненадежны.

Такова Иордания. Что сказать о ее короле? Некоторые думают, что Хусейн — убеделный семидесятилетний старец. На самом деле этому невысокому молодому человеку с усиками еще нет 23 лет. Но он в полной мере успел проявить себя в борьбе арабских патриотов, верным слугой империализма. Даже американские газеты признают, что Хусейн — это единствен-

ный оставшийся арабский правящий деятель, который борется против арабского национального движения. Оно и неудивительно... Все свою юность Хусейн провел в Англии. Будущий король учился в университете Харроу, а затем в военной академии в Сандгерсте. Когда он вступил на престол, его подданные быстро увидели, что их новый король не обладает склонностью к государственным делам. Страной по-прежнему распоряжались англичане, а Хусейн предпочитал лихую езду на гоночном автомобиле, полеты на реактивном самолете, кутежи в ночных кабах. Много шума наделали его скандальные амурные похождения; одну из его приятельниц — секретаршу американского посольства Барбару Грей — госдепартамент был вынужден отозвать из Аммана. Хусейн устроил в ее честь роскошный прием.

Так беззаботно проводил свои дни в нищей, голодной, закабаленной стране англйизированный венценосец. А тем временем вокруг высоко вздымались волны освободительного движения, арабский мир сбрасывал оковы империализма. Время от времени Хусейн делал патристические жесты: он уволил в отставку Глабо-пашу, во время англо-франко-израильской агрессии против Египта в 1956 году распустил слух, что намерен вступить за Египет и сам готов повести первый бомбардировочный полк на Тель-Авив. Все это делалось ради приобретения популярности, на самом же деле Хусейн готовился к расправе над иорданскими патриотами, которые своей самоотверженной борьбой добились расторжения какального договора с Англией и вывода английских войск. В апреле 1957 года Хусейн нанес удар.

Вскракававшись на броневичах в военном лагере Зерка, Хусейн призвал войска к походу на столицу. Верные королю бедуны, по старинному обычаю навазав лица утлом, ворвались в Амман, творя расправу над патриотами. Но не эти обманутые своими шейхами люди были движущей силой реакционной переворота. Американский дипломат посол Мэллорд и военный аташе Суни — вот кто держал за нитки, на которых с истерическими воплями о «коммунистическом заговоре» плясал Хусейн. А американский 6-й флот, подойдя к побережью Ливана с морской пехотой, готовой к «воздушному прыжку» в Иорданию, обеспечил успех переворота. Первое в истории страны правительство, выражавшее национальные интересы, было свергнуто, начались дикий террор и репрессии. Тюрьмы наполнялись людьми, единственное «преступление» которых состояло в том, что они осуждали империализм и приветствовали успехи арабских патриотов. Мальчик, написавший письмо президенту Насеру, получил за это 12 лет тюрьмы! — Я король! — разбушевался, кричал Хусейн, когда начальник штаба пробовал возражать против чрезмерных репрессий. — Я делаю, что хочу! Закоучу — вступлю в Багдадский пакт, закоучу — пригласу американцев! Это — моя страна.

И вот теперь он пригласил войска империалистов. Английские оккупанты вновь вернулись на землю Иордании. Страна превратилась в сплошную колонию. Арестовано большинство офицеров армии, малоразомотных сержантов спешно производят в капитаны. Во время ночных налетов арестовывают даже детей. Как сообщают американские журналисты, среди заключенных можно встретить кого угодно, начиная с бывших премьер-министров и кон-

чая рассыльными. Даже сам директор тюрьмы не избежал чистки! Конфискованы все радиоприемники в кофейнях. На днях начались аресты «Мусульманских братьев» — единственной организации, ранее поддержавшей короля Трон Хусейна в воздухе.

Вот что пишет английская и американская пресса.

«Экономист»: «Все согласны, что нынешний режим в Иордании не пережил бы ухода английских войск».

«Таймс»: «Английские войска и массовая американская помощь, несомненно, служат единственными средствами, позволяющими режиму уцелеть; уберите эти подпорки, и все здание рухнет».

«Нью-Йорк таймс»: «Иордания превратилась в осажденный остров, блокированный со всех сторон».

«Нью-Йорк геральд трибун»: «Хусейн пишет, что во дворце Хусейна царит патологическая атмосфера страха».

«Пост диспетч»: «Срок царствования короля Хусейна истекает».

Один из английских журналистов спрашивал у различных людей (в том числе официальных лиц) в Аммане их мнение по поводу того, сколько времени мог бы Хусейн продержаться после ухода английских войск. Один говорил — 5 минут, другие — неделю. Оптимисты называли 6 месяцев. Ни одному человеку не пришло в голову даже заикнуться, что Хусейн мог бы продержаться на троне, скажем, год...

Казадось бы, поддерживать такой режим — дело заведомо безнадежное. Но хозяева Хусейна упростуют. «Иордания — это крепость», — заявил официальный американский представитель корреспонденту «Уолл-стрит джорнал». — Мы вкладываем в нее все, что в наших силах, чтобы спасти Хусейна. Он — наша последняя линия обороны». Американский журналист Кук пишет: «Единственное, на что Хусейн не может пожаловаться, это на недостаток американских денег». Но поинит ли Хусейн, что ни Чан Кай-ши, ни Нури Саид также не могли пожаловаться на отсутствие долларов?

Западногерманский журнал «Шпигель» назвал Хусейна «дикой кошкой». Это, как известно, злобное и опасное животное, но мелкой породы. Что ж, калибр иорданского короля вполне соответствует измелчавшей, дискредитированной, растерявшей все козыри политике Запада на Арабском Востоке. Сторожевые псы империализма, политиканы типа Нури Саида ушли в прошлое. И вот на «последней линии обороны» колонизаторов — зангаемая на дерево дикая кошка, шипящая в бессильной ярости. Обреченный король на готовом рхнууть престолу. И больше ничего.

Г. МИРСКИЙ

Четвертый номер «Информационного бюллетеня»

ВЫШЕЛ августовский номер «Информационного бюллетеня» четвертого номера «Информационного бюллетеня» по случаю конференции писателей стран Азии и Африки в Ташкенте. Номер содержит информацию о жизни республик Советского Востока, о работе книжных издательств и журналов, выступлении советских и зарубежных писателей. Своими мыслями в связи с предстоящей конференцией поделились на страницах бюллетеня Г. Севунц (Армянская ССР), С. Раят Рой (Индия), Мануэль Крус (Филиппины), Джанардан Сам (Непал), главный редактор журнала «Премас Арбинен» — Аман Дюп.

Избавить мир от атомной угрозы

ТОКИЙСКИЙ зал Кудя кайкан полон. Здесь собрались представители 39 стран на четвертую Международную конференцию за запрещение атомного и водородного оружия и разоружение.

Один из участников конференции внес на руку на трибуну молодую японку: это Тиеко Ватанабэ. Она парализована после взрыва американской атомной бомбы над Нагасаки в 1945 году. (Снимок сверху слева). Обращаясь к присутствующим, Ватанабэ призывает их приложить все силы для спасения человечества от страданий, вываливших на ее долю и на долю многих ее соотечественников. — Я не могу двигаться, — говорит девушка. — И в этом вина тех, кто, вопреки воле и желаниям миллионов людей, готовит ныне новую ужасную войну — войну с помощью ядерного оружия.

«Не допустить повторения трагедии Хиросимы и Нагасаки!» — говорят простые люди во всем мире. Не проходит дня, чтобы телеграф не сообщил о демонстрации или митинге протеста против испытания термоядерного оружия в той или иной стране. Такой митинг состоялся недавно в университетском городе Гейдельберге в Федеративной Республике Германии. (Снимок сверху справа).

Небывалые демонстрации протеста потрясают в эти дни Англию. Широчайшие круги английского народа выступают за прекращение испытаний ядерного оружия, за его запрещение. Недавно Комиссия ООН опубликовала доклад, в котором содержится предупреждение о последствиях атомной радиации для нынешнего и будущих поколений. В тот же день в английской газете «Дейли миррор» художник Викки поместил эмоциональный рисунок-плакат, который мы воспроизводим. На нем изображен ребенок, одишветворяющий «грязную» цивилизацию. Подпись гласит: «Страдают малые дети...»

«Прекратите испытания атомных и водородных бомб — во имя спасения человечества!» — такой плакат, выражающий чаяния народа далекой Индонезии, поместила недавно индонезийская газета «Харан райкат».

Широкое движение за запрещение атомного и водородного оружия — преграда на пути тех безрасудных политиков Запада, которые размахивают атомной бомбой. Именно под давлением народов, горячо одобрявших одностороннее прекращение Советским Союзом испытаний ядерного оружия, США и Англия заявили о своем намерении временно приостановить опытные взрывы. Это, несомненно, шаг вперед в борьбе против смертоносного оружия. Однако предлагаемая дата прекращения испытаний — 31 октября — не удовлетворяет общественность. Тем более что Англия намерена до этого срока провести серию испытаний близ острова Рождества на Тихом океане.

Борьба за немедленное прекращение испытаний атомного оружия, за соглашение о том, чтобы поставить его вне закона, избавить человечество от страха перед водородной бомбой, — продолжается.

НАВСТРЕЧУ КОНФЕРЕНЦИИ ПИСАТЕЛЕЙ СТРАН АЗИИ И АФРИКИ

Дели — Ташкент

В КОНФЕРЕНЦИИ писателей стран Азии, состоявшейся два года тому назад в Дели, участвовала большая делегация китайских литераторов. В их числе: Мао Дунь, Чжоу Ян, Лао Шэ, Е Шэнь-тао, Сяо Сань.

Участник этой конференции поэт Сяо Сань (Эми Сяо) возглавляет сейчас рабочую комиссию Союза китайских писателей по подготовке к конференции писателей стран Азии и Африки в Ташкенте. Члены комиссии — видные китайские литераторы: Юань Шуй-по, Гэ Баоцзюнь (участники недавнего Международного инициативного совещания в Москве), а также писатели Янь Вэнь-цзин, Ван Яо-фан и другие.

С начала этого года наши литературные журналы и издательства переводят на китайский язык выдающиеся произведения классической и современной литературы многих стран, которые будут представлены на конференции в Ташкенте. Журнал «Изыск» («Иностранная литература») сентябрьский и октябрьский номера специально посвящает литературе Азии и Африки. В журнале публикуются отзывы из произведений писателей ОАР, Ирака, Ливана, Алжира, Мозамбика, Сенегала, Мадагаскара, Ирана, Индии, Индонезии, Непала, Японии, Таиланда и советских среднеазиатских республик. Наше Издательство иностранной литературы осуществляет большой план издания книг писателей Азии и Африки в переводе на китайский язык.

Со времени конференции в Дели, — говорит в заключение Сяо Сань, — прошло два года, наполненные величайшими историческими событиями в жизни народов Азии и Африки. И можно представить, сколь мощно и горячо прозвучит во всем мире голос передовых писателей, голос прогрессивной литературы всех народов Востока на конференции в цветущей социалистической азиатской республике.

Как известно, тогда же, после официального закрытия первой в истории азиатского континента конференции прогрессивных писателей, состоялся дружеская встреча участников этой конференции за «круглым столом». Во время этой беседы узбекская поэтесса Зульфия от имени советской делегации пригласила писателей стран Азии и Африки побывать на конференции в Ташкенте. Это предложение было единодушно поддержано всеми участниками «круглого стола» — представителями народов и литературы многих стран. Наша китайская делегация заявила не только о полной поддержке предложения писателей Советского Союза, но и о готовности китайских писателей приложить все силы к осуществлению этого благородного международного дела.

В свете последних событий на Ближнем Востоке, в накаленной до предела обстановке подъема национального-освободительного движения народов Азии и Африки, конференция писателей двух кон-

тинентов в Ташкенте приобретает исключительно огромное историческое значение.

В Союзе китайских писателей, — продолжает Сяо Сань, — в широких кругах творческой интеллигенции Китая сейчас деятельно готовятся к конференции. В народных библиотеках, в высших учебных заведениях и школах, в народных клубах и дворцах культуры организованы массовые чтения, беседы и выставки, знакомящие китайских читателей и зрителей с выдающимися произведениями литературы и искусства народов Азии и Африки, в том числе и советских среднеазиатских республик.

В свете последних событий на Ближнем Востоке, в накаленной до предела обстановке подъема национального-освободительного движения народов Азии и Африки, конференция писателей двух кон-

А. СМЕРДОВ, собственный корреспондент «Литературной газеты» ПЕКИН, 25 августа. (По телефону)

Снимки из французской газеты «Юманите» и немецкого журнала «Фрау фон хейте».

„Безмолвный гром“

Журнал «Поэзия равны» — Лондон

ТАК — НЕСКОЛЬКО НЕОБЫЧНО — называется посмертная статья лорда Дансени — известного драматурга и поэта, опубликованная в английском журнале «Поэзия равны». Это — резкое, полное ироники, сарказма выступление против модернистского шарлатанства.

Было время, говорит автор, когда модернистские стихи или, точнее сказать, «какофония современных диссонансов» выдавалась за поэтический образ. «...Вы читали только восхваления этих современных диссонансов или же встречали умчания, явно вызванные страхом, что всякое слово против них опозорит критика».

Лорд Дансени призывает приглядеться к этому «модернистскому движению». В качестве примера он приводит следующие строки:

Яблоки падают вверх,
В безмолвном грома.

«Здесь есть кое-что новое, — иронически замечает автор статьи. — Вот уже почти три века, как Ньютона учил, что яблоки падают вниз, — теперь это стало банальностью. Нам же необходим прогресс. Таков пароль сторонников «современного стиха». «Если предположить, что модернисты должны быть правы и что все новое — прогрессивно, мы, несомненно, имеем здесь прогресс». Ведь сколько раз называли гром шумливым или давали ему другие, столь же банальные определения, но никто еще не называл его безмолвным. Верен ли, однако, этот эпитет? «Это несущественно, ибо сомневалась в его истинности — значит стать на сторону убогих древних, а это уже предательство всего движения».

Стрелы автора разят не только поэтов, играющих в «оригинальность», но и критиков, распространяющих модернистский дурман. Чтобы рассеять сомнения читателей, критика, продолжает Дансени, объясняет и размер, и ритму, а вслед за тем и вообще поэтическую традицию чем-то посторонним нашему времени, не имеющим никакой цены. Впрочем, в том, как Дансени защищает традицию, есть немало уязвимого. В его статье проскальзывает предочтение всему «старомодному», недоверие к подлинному новаторству.

В заключение Дансени обращается к читателю. К тому читателю, который поверил было, что за претенциозной словесной игрой модернистов таятся неведомые глубины. Позиция лорда, надо сказать, более демократична, чем позиция «левых» любителей зауми. Для них читатель — это прожек, неспособный оценить поэзию. Для Дансени, напротив, читатель — единственная надежда: рано или поздно он разберется, что поэзия и что шарлатанство.

Григорий ПЛОТКИН Поездка в Израиль

1. Мы летим в Тель-Авив

На парижском аэродроме Орли грохотали репродукторы, торжественно объявляя о прибытии очередного самолета, кого-то пригласила на посадку, кому-то сообщала о времени его вылета.

В этой деловой суетлоке мое внимание привлек худощавый неседа-пассажир лет шестидесятипяти. Он казался очень общительным и приветливым, без особого на то необходимости заговаривал со своими будущими попутчиками. Его черным костюм был исполосован сверкающими застежками «молиния», на перекинутом через плечо юрчином мешке болтался миниатюрный радиоприемник великой обыкновенной центральной бинокль. Поймав мой заинтересованный взгляд, говорун открыл футляр своего «Эммерсона» и начал как-то тонокну. К общему глумлению рассеянному шуму аэровокзала прибавились хрипение и повизгивание джаза.

«Не коммунистер ли это, рекламирующий приемники американской фирмы?» — осенила меня мысль. Позже выяснилось, что я ошибся.

Узнав, что я из Киева, старик широко раскрыл свои неслепящие бегающие глазки:

— Вы откуда? Как удалось выехать из Союза? Разве евреям разрешают поездки за границу?

Я расхохотался и указал ему на стоявших рядом моих товарищей по туристической поездке в Израиль.

На минуту старик, казалось, потерял дар речи. Он буквально стал ощущать нас руками, желая убедиться, что все это не сон. Наконец, он не выдержал:

— Быть этого не может! И куда вернетесь?

Конечно!

Это переполнило чашку. Доброудный старик мгновенно превратился в разъяренного шакала.

Вы так — представляете себе всех достоинств свободного

Путевые заметки

2. Гони, шофер, дальше!

Существует анекдот о пассажире такси, не рассчитавшем своих материальных возможностей: на счетчике выросла сумма, значительно превышающая содержание его кошелька. Не зная, как выйти из затруднительного положения, пассажир восклицает: гони, шофер, дальше, авось потом рассчитаемся! Он старается не глядеть на счетчик, но сумма продолжает неутомимо расти...

Эта поучительная история невольно вспоминается при самом деле бегом озанкомлении с экономикой государства Израиль. Не имея возможности рассчитаться по давно полученным займам, правительство Израйля вынуждено влезать в новые огромные долги, не задумываясь над тем, что вернуть их оно не сможет в течение многих десятилетий. Авантюристичность такой политики очевидна. Удивительно, как много интуитивные деятели кричат о независимости государства, каждый шаг которого связан с американским финансовым капиталом.

Было бы неверно отрицать рост израильской экономики за истекшее десятилетие. В стране построено (притом в весьма сжатые сроки) большое количество жилых домов и общественных зданий, увеличилось число предприятий и учебных заведений. Но... все это сделано на средства, поступившие от пожертвований и на иностранные займы.

На многих зданиях укреплены мемориальные доски и таблички, на которых вырезано имя высоко благодеателя, не пожалевшего денег на ту или иную постройку. В Иерусалимском университете, в Хайфинском технологическом институте такие надписи можно встретить на стенах каждой жаром рекламируемой «духовной коммунальщицы».

строил на свои деньги Х, другу — У.

«Добрые дядюшки» далеко не бескорыстны: за эти подачки они получают право диктовать свою волю в вопросе о характере обучения в построенном ими здании, о нормах поведения людей, пользующихся их щедростью.

На одной из центральных улиц Тель-Авива высится огромное здание филармонии. Его называет Фредерик-Ман-центр, по имени богача, оплатившего 20 процентов стоимости строительства. Остальные расходы взял на себя муниципалитет, за счет налогов, собранных с населения. Однако американский миллиардер своей небходимым утвердил свой приоритет в этом деле.

Фредерик Ман потребовал, чтобы во время торжественного открытия филармонии сначала был исполнен американский государственный гимн, а затем гимн израильский. Руководители филармонии воспротивились этому распоряжению. Но глава израильского правительства Давид Бен-Гурион, выступив на митинге и пользуясь своей властью, приказал подчиниться воле Фредерика Мана. Первым здесь был исполнен гимн Соединенных Штатов Америки. Этот случай глубоко символически.

Тяжелой промышленности в Израиле почти нет. В угоду заокеанским толстосумам в Израиле не производится средства производства. Поэтому в Израиль главным образом из США ввозятся в больших количествах различные станки, аппаратура, автомобили. В Израиле их лишь собирают.

В результате этой политики импорт превышает экспорт ежегодно на 300 миллионов долларов. Дефицит в области внешней торговли не уменьшается, а увеличивается. Уродливое развитие израильской экономики связано также с тем, что страна не может вести внешнею торговлю с тем, с кем бы ей было желательно и выгодно.

В бюджете развития народного хозяйства в Израиле решающую роль играют займы и субсидии. Правительство Израйля не

может самостоятельно распоряжаться этими деньгами: на каждом чеке, помимо подписи израильского министра финансов, должна стоять подпись руководителя миссии «Американской экономической помощи».

Эта вторая подпись, это обязательное «утверждение», ощущается здесь во всем, находит свое отражение не только в характере ведения хозяйства, но и в духовной жизни, искусства, моде. За две недели пребывания в Израиле мне ни разу не удалось послушать еврейские народные песни, но зато ежедневно американизированные джазы оглушали меня мянкими, ударяющими по нервам рок-роллами.

Американское «утверждение» я видел и в том, как молодые девушки, одетые в военную форму, под командой офицеров маршировали на горячем асфальте Тель-Авива: в Израиле всеобщей военной повинности подлежат и женщины.

— Мы живем, словно в порохом погребе! — сказал мне пожилой рабочий завода бетонных труб Ювал-Гат. — Каждую минуту можно ожидать взрыва!

Он тревожно посмотрел в чистое, затянутое утренней синевой ильское небо.

На другой день в этом небе появились стаи военных самолетов, направившихся в Иорданию, граница с которой проходит через центр древнего города Иерусалима.

Самолеты летели низко, и каждому были видны английские опознавательные знаки на их крыльях. Не видел этого только Бен-Гурион, который, лишь после того, когда основные силы британской авиации уже пролетели и приземлились на иорданской территории, затеял в своем кабинете обсуждение вопроса: можно ли разрешить англичанам использовать воздушное пространство Израйля?

И. о. главного редактора В. ДРУЗИН.
Редакционная коллегия: М. АЛЕКСЕЕВ, Б. ГАЛИН, Г. ГУЛИА, П. КАРЕЛИН, В. КОСОЛАПОВ (зам. главного редактора), Б. ЛЕОНТЬЕВ, Г. МАРКОВ, Е. РЯБИЧКОВ, В. СОЛОХИН.